По подписке — 50 коп.,
в розницу — 70 коп.

МОСКОВСКИЙ КАДРОВЫЙ ЦЕНТР

при Главном управлении по труду
и социальным вопросам Мосгорисполкома

ПРИГЛАШАЕТ

РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ НА КУРСЫ ИНТЕНСИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ.

Обучение проводится по оригинальной методике с использованием аудио- и видеосредств, учебных пособий США, Великобритании, ФРГ.

- *ЧЕРЕЗ 23 ДНЯ ВЫ ОВЛАДЕЕТЕ НАВЫКАМИ*
- *РАЗГОВОРНОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА,*
- *СМОЖЕТЕ УСПЕШНО ВЕСТИ ПЕРЕГОВОРЫ*
- *С ЗАРУБЕЖНЫМИ ФИРМАМИ.*

Занятия проводят лучшие преподаватели московских вузов. Выпускникам выдается удостоверение об окончании курсов и (бесплатно!) записанный на аудиокассету пройденный вами курс. Заявки от организаций с указанием сроков обучения, а также банковских реквизитов и телефонов просим направлять по адресу:

103031, Москва, Рождественка, дом 8, строение 2, МКЦ.

ЕСЛИ ВЫ РАСПОЛАГАЕТЕ СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМОЙ ВАЛЮТОЙ!!!

МОСКОВСКИЙ КАДРОВЫЙ ЦЕНТР предлагает вам обучение и стажировку в области «делового» английского языка, бухгалтерского учета, финансово-хозяйственной деятельности и других специализированных программ в ведущих университетах США и Великобритании.
Телефон для справок: 921-08-32.

Индекс 73755 ISSN 0234 – 1824

ГОРИЗОНТ

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

3
1991

Г. БЕЛОЗЕРОВ. Призрак бродит...

ISSN 0234-1824

ГОРИЗОНТ

3 (484) · 91 ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Е. ЕФИМОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:
Е. Абрамова,
Е. Донцова,
М. Каро,
И. Красотова,
Л. Кузнецов,
В. Пекшев,
художественный редактор
И. Лопатина,
технический редактор
О. Глушкова,
фото
Л. Мелихова

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции:
928-97-42.

Сдано в набор 27.01.91. Подписано к печати 27.02.91. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,86. Тираж 100 000 экз. Заказ 1538. Цена: по подписке — 50 коп., в розницу — 70 коп.
Малое издательское предприятие «Горизонт». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

СОДЕРЖАНИЕ

На первой странице обложки и вкладках номера: живопись Елены Борзых.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 2, см. на с. 38.

© «Горизонт», 1991

Игорь Бестужев-Лада

СУМЕРКИ ПЕРЕСТРОЙКИ: ВЕЧЕРНИЕ? УТРЕННИЕ?..

— Настроение у меня скверное,— дает интервью писатель Юрий Нагибин. И, заметьте, не каким-нибудь крамольным «Курантам», беспрерывно огорчающим начальство, а самой что ни на есть благонамеренной «Московской правде».— Я перестал понимать, что происходит вокруг: не понимаю, чего хочет Президент, не понимаю, какой путь развития предлагают экономисты. И что самое неприятное — не вижу впереди никаких просветов. Наше настоящее не обнадеживает...

И далее писатель, со ссылкой на Тютчева, призывает мужаться, «хоть бой и неравен, борьба безнадежна», то есть добросовестно заниматься своим делом. В частности, писательским.

Все-таки, что ни говори, хорошо писателям. Можно честно сказать, чтó в нашей жизни понятно, а что — категорически нет. И со спокойной совестью сесть за письменный стол.

Так называемым ученым — много хуже. Особенно обществоведам — историкам, экономистам, социологам, политологам, культурологам, социальным психологам. Ведь единственное, что они обязаны делать по роду своей службы — описывать неизвестное, объяснять непонятное и выискивать пользу, которую можно извлечь из ставшего понятным. Правда наши ученые постоянно и очень умело увиливают от своих обязанностей. Но это не потому, что не мóгут, а потому, что некогда: каждый из них с утра до вечера подвергается зверскому групповому изнасилованию злодеем по имени Тоталитаризм.

И уж совсем плохо футурологам. Ведь им каждый раз, сверх всего прочего, надлежит сообщать, чем все это кончится. В каждом конкретном, отдельно взятом случае. Совершенно как древним волхвам. И каждый раз очередной князь Олег районного, областного, республиканского или общесоюзного масштаба гневается: «Кудесник, ты лживый, безумный старик! Презреть бы твое предсказанье!» И хотя другой мой любимый поэт увещевал в свое время гневающихся: «Каждый волхвов покарать норовит,— / А нет бы — послушаться, правда? / Олег бы послушал,— еще один щит / Прибил бы к вратам Цареграда»,— нашим нынешним олегам сегодня не до волхвов, цареградов и щитов. Думаю, что они понимают в происходящем не больше писателей. А вот чего хотят — это понимают прекрасно.

И если по-человечески я готов подписаться под каждым словом интервью Нагибина, то по-исторически, экономически, социологически, политологически, культурологически, социально-психологически обязан заявить, что вполне понимаю, чего хочет Президент, какие различные, взаимоисключающие пути развития предлагают президентские и непрезидентские экономисты. А главное — п о ч е м у предлагают. И — что самое неприятное — вижу впереди не один, а несколько просветов. Но такие мучительно трудные, что хочется махнуть на все рукой и умереть-уснуть. Конечно, желательно не тем холодным сном могилы — впрочем, это, кажется, еще из одного любимого поэта... Тем более, что полностью согласен с писателем: настоящее не обнадеживает. И все же, и все же. Жить-то надо! И по возможности менее отвратно, чем сейчас. А скончаться — большого ума не требуется: сам не соберешься с духом — коллеги помогут.

Что же касается различных хотений, терпений и огорчений, то тут, с точки зрения вышеперечисленных наук, никаких загадок не существует. Как говаривали в сходных случаях даже предельно далекие от науки булгаковские персонажи: «Подумаешь, бином Ньютона!» И действительно, все проще простого, как в очереди за зарплатой.

Как поступает наука в гораздо более сложных случаях, нежели какая-то там злосчастная перестройка в одной злосчастной стране? Она прежде всего озирается вокруг, пытается уловить смысл и закономерности происходящего, а потом примеряет выявленные закономерности на объект своего исследования и дает вполне вразумительные объяснения.

Например, вопрос: какова судьба нашего светила и нашей планеты? Согласитесь, он посложнее (хотя и не важнее) вопроса о причинах наших повседневных огорчений. Как и что отвечает на этот вопрос наука?

Прежде всего, наука с помощью телескопов констатирует, что наше Солнце — вовсе не какой-то уникум. Вон их сколько вокруг в звездном небе! При этом среди ста с лишним миллиардов звезд нашей Галактики имеются находящиеся на разных стадиях эволюции. Сравнивая их между собой, можно как бы проследить историю звезды от ее возникновения и молодости до старости и угасания.

Согласно наиболее распространенной в настоящее время среди астрономов теории, звезды образуются в результате взаимного притяжения — гравитационного сжатия газопылевых облаков. Во время сжатия происходит превращение гравитационной энергии во внутреннюю энергию вещества, которое постепенно разогревается. Когда температура в центре формирующейся звезды достигает миллионов градусов, начинаются термоядерные реакции. Они обеспечивают устойчивое состояние образовавшейся звезды на протяжении миллиардов лет. Тут все зависит от массы звезды.

Если масса формирующейся звезды (протозвезды) очень мала — меньше 8 процентов солнечной — то у нее в центре так и не достигается температура, необходимая для термоядерной реакции. Такая протозвезда никогда не вспыхнет звездой. Если масса сопоставима с солнечной, звезда «загорается» и может устойчиво светить миллиарды лет, причем чем меньше масса — тем дольше. Так, звезды солнечных масштабов живут примерно десяток миллиардов лет, втрое бóльшие — всего какой-нибудь миллиард, а вдесятеро — считанные сотни миллионов лет. После этого ядерное горючее выгорает, звезда «съеживается» до размеров крупной планеты и ее угасающая старость растягивается на десятки миллиардов лет — едва ли не до скончания Галактики (которая ведь тоже должна иметь свой конец, как и все остальное, что имеет начало). Если же масса звезды превышает солнечную более чем на 20 процентов, то, по мере выгорания ядерного горючего, равенство сил тяготения и давления нарушается, звезда начинает стремительно сжиматься (это называется коллапс, и мы еще вернемся к этому понятию), происходит гигантский ядерный взрыв, «избыточная» оболочка рассеивается в космическом пространстве, а остальная масса сжимается в шар поперечником в какой-нибудь десяток-другой километров, где плотность вещества сопоставима с ядерной, где вещество как бы стремительно «рушится» к центру и где, при известных обстоятельствах, не исключено, появляются «черные дыры», засасывающие в себя окружающую материю.

чем в 1953—1956—1968—1980-х годах. По сути, потребовалась бы оккупация, потребовалось бы в самом полном смысле возвращение к 1945 году (включая нового Сталина и нового Берию). Если сегодня миллионы парней не забриты в солдаты, если сегодня тысячи пломбированных гробов не возвращаются к нам не только через южную, но и через западную границу, если сегодня миллионы людей пока что вновь не загнаны в лагеря, то этим мы также обязаны «новому мышлению», отказу от сумасшествия в своем родном «соцлагере».

А теперь посмотрите, как эволюционируют другие звезды в нашей «социалистической» галактике. Вот ГДР, которая голосами подавляющего большинства населения едва ли не за одну ночь перешла от так и не развившегося «социализма» (и это — в наиболее экономически развитой стране «соцлагеря»!) к давно похороненному «капитализму». Вот Венгрия, Чехо-Словакия и Польша (тоже наиболее развитые экономически страны почившего СЭВа), где нормализация ненормальной экономики, общественной и политической жизни идет полным ходом, где слово «социализм» равнозначно проклятию, а слово «коммунист» — синоним предателя собственного народа. Вот Болгария и Румыния, экономически менее развитые (Болгария — побольше, Румыния — поменьше), здесь, как и у нас, установилось приблизительное равновесие «антисоциалистических» и «просоциалистических» сил, нормализация жизни идет более трудно, более медленно, более мучительно, более противоречиво. Вот Монголия и Албания, еще менее развитые экономически, только-только начинающие подниматься к нормальной жизни. Проблески разного рода в том же направлении начинают просматриваться во Вьетнаме и Лаосе, в Камбодже и в ряде других стран «социалистической ориентации». И только Куба и Северная Корея, Ливия и Эфиопия (об Ираке в начале 1991 года трудно пока что-либо сказать) остаются на «точке социалистического замерзания». Но какой ценой! Ценой какого безнадежного отставания своей экономики, ценой каких лишений и жертв населения, ценой какого тотального террора былых сталинско-бериевских образцов!

Особняком стоит громадный и сложный Китай, наш, если можно так сказать, «соцблизнец». Сильно продвинувшийся, по сравнению с нами, от патологии к норме в экономике, но застрявший примерно на нашем уровне во внутренней политике.

Не на этой ли палитре различных стадий эволюции от реализованной утопии казарменного социализма к нормальному, неутопическому состоянию экономики, социальных отношений, культуры, политики видится наше собственное будущее? Прикиньте-ка наше место на этой шкале, отметьте этапы, которые мы уже прошли и которые нам еще предстоит — обязательно предстоит! — пройти. И вы получите траекторию нашей дальнейшей эволюции, нашего обозримого будущего ближайших лет, может быть, даже ближайших двух-трех десятилетий. Не обязательно точно так, как в иных-прочих странах, но обязательно — от патологии к норме. Ибо от сумасшествия либо излечиваются, либо умирают в сумасшедшем доме.

Так обстоит дело с будущим (как видите, не таким уж безысходно-мрачным). Сложнее с настоящим, ибо пытаться оценить ситуацию в сумасшедшем доме по законам мышления (отнюдь не «нового»!) его обитателей — дело безнадежное, только для доморощенных политических шизоидов посильное. Попробуем и здесь обратиться к аналогам, только на сей раз не в пространстве — слишком уж сильна специфика каждой «соцстраны»,— а в историческом времени нашей же собственной многострадальной отчизны.

Моя первая (кандидатская) диссертация была посвящена Крымской войне 1853—1856 годов. Я много месяцев просидел в архивах, перечитал горы подлинных документов и не понаслышке знаю, что происходило в России 20-х — начала 50-х годов и что в конце 50-х, на протяжении 60-х — 80-х годов прошлого века. Мне хорошо известно, что, как говорится, все аналогии хромают. И все же нельзя не удивляться, как много похожего в истории России XIX и Советского Союза XX века.

Отвлечемся от сравнения 20-х — начала 50-х годов того и другого столетия. Вспомним, что происходило с середины 50-х по начало 80-х в прошлом веке и что вот уже шестой год происходит в веке нынешнем.

Самый могущественный тогда в мире монарх — Николай I увяз в своем Афганистане, то-бишь в Крымской войне. Мне доподлинно, документально известно, что если бы он не умер (ходили даже слухи, что покончил от безысходности самоубийством), его добивали бы скопом, как сегодня Хусейна, при участии бывших союзников — Пруссии и Австрии, а также возможно и Швеции, не забывшей еще потерю Финляндии полувеком ранее. Ему наследовал Александр II — любимый сын Саша, ни единым словом не перечивший отцу до самой его кончины, ведший себя по отношению к министрам отца так же стопроцентно лояльно, как Горбачев — к членам кооптировавшего его брежневского Политбюро ЦК КПСС. После воцарения нового императора в придворно-правительственных кругах вновь разгорелась борьба по вопросу о том, как быть с крепостным правом (такого рода «перестроек», начиная с гражданских реформ 60-х годов XVIII века по инициативе Екатерины II, на протяжении последующего столетия было не меньше, чем советских «перестроек», начиная с ленинского нэпа). Подавляющее большинство сановников — в том числе наиболее влиятельных — как и сегодня, были за сохранение статус-кво, всячески убеждая молодого монарха, что «только тронь — оно и посыпется». Они и правда, как в воду смотрели. Посыпалось — и еще как!

Ну, а как же повел себя в такой ситуации молодой глава государства? После того, как Севастополь пришлось оставить и военные действия окончательно зашли в тупик, он переборол императорское самолюбие (с 1815 года Россия — вершительница судеб Европы!), признал поражение и заключил мир. Затем, после нескольких лет мучительных колебаний и сомнений, под мощным, как бы мы теперь сказали, прессингом крепостников, он дал «добро» на отмену крепостного права. И на протяжении двух с лишним последующих десятилетий, опираясь на горстку либеральных и полулиберальных деятелей, при таких же мучительных колебаниях и сомнениях, одну за другой проводил реформы, переводившие Россию из века XVIII в век XIX.

Можно только догадываться, каково ему было под непрекращавшимся давлением крепостников, в том числе из своего ближайшего окружения, что он мог чувствовать после учащавшихся покушений, в обстановке самой настоящей охоты за ним, как за «красным зверем». Тем не менее, ни он сам, ни его сын, ни его внук не свернули с намеченного пути. Он вошел в историю как царь-освободитель, хотя ничем не отличался от своего отца как душитель Польши и Литвы.

Памятник ему в Кремле скинули одним из первых. Имя его было официально проклято в стране последние 73 года. И тем не менее сегодня мы вновь знакомимся с ним, как с царем-освободителем. А с его убийцами, долгое время ходившими в героях (в спецмагазине бывших политкаторжан, рассказывают полуиронически, висело когда-то объявление: «Цареубийцам повидло — вне очереди» — какая злая ирония судьбы, даже если всего лишь анекдот!) — как с безответственными

авантюристами-преступниками, хуже, чем с преступниками,— как с нечистой силой, с «бесами» по Достоевскому.

Задним умом каждый умен, да что толку в нем? Сегодня мы отчетливо видим, что если бы Александр II нашел своего Столыпина полувеком ранее, а главное — нашел бы в себе мужество откупиться от крепостников любыми облигациями, лишь бы развязать частное предпринимательство юридически освобожденных крестьян, то мы, возможно, благополучно миновали бы 1905-й и 1917-й, и сегодня, при милости Божией, утирали бы нос если не США, то хотя бы Греции и Турции, а может быть даже Испании и Италии. Но царь-освободитель, по самому происхождению и характеру своему, хотел и волков-крепостников оставить сытыми, и овец — нарождающееся земство — не только целыми, но и сытыми. В результате оказался между двух стульев-огней, куда ему и подкинули бомбу.

Как историк, считаю относительно несущественными все изменения, происшедшие в России с Рюрика до наших дней. С юмором отношусь к нашему любимому занятию — прикрывать «русский дух» и «русскую суть» разными переводными терминами с латинского и греческого: император, президент, секретарь, губернатор, министр, академик, профессор, генерал. На деле во главе государства тысячу лет назад и сегодня стоял и стоит истинно русский персонаж — государь, он же «хозяин», он же «сам». Во главе каждого уезда, приказа, стола — тот же «хозяин», «начальник», хоть горшком его назови. При этом каждый начальник — от урядника до государя — чудит по-своему и, как говаривали наши предки, он в своем праве, его же нраву не перечь.

Михаилу Сергеевичу Горбачеву в 1985 году ничего не стоило — да и сегодня по силам, только ценою жертв, сопоставимых с минувшими десятилетиями — сделаться вторым изданием Брежнева или даже Сталина, по желанию. Сегодня, глядишь, уже десятую звезду цеплял бы себе на грудь, эполеты генералиссимуса-адмиралиссимуса примерял, с удовольствием слушал бы излияния холуев — вон их сколько по сей день, стадами! — и делал ручкой с балкона миллионным восторженным демонстрациям подданных, а мы бы (кто не в лагерях, конечно) восторженно орали «ура» и глотали слезы восторга.

Но такова уж его психология (включая психологию социальную), что избрал он себе иной путь и выпала ему другая планида: судьба генсека-освободителя и президента-... (слово будет произнесено историей не позднее 1992 года). С этим он и войдет в историю, что бы ни произошло с Россией в 90-х годах XX века. При его воцарении я поддерживал нового государя на все сто процентов, спустя два года — вряд ли на пятьдесят, сегодня стою в резкой оппозиции слева (со стороны радикального крыла, противостоящего консерваторам), но ни на минуту не забываю, что пишу эти строки т о л ь к о по его, государеву, соизволению и что если меня завтра вздернут за них на дыбу или упекут в Соловки, то это будет тоже по слову и делу государеву, как 500 и 1000 лет назад.

Сегодня наш Президент под огнем справедливой, на мой взгляд, критики, и я сию секунду добавлю к ней свою толику. В такой политической рубке не до объективности. И все же, рискуя получить свою долю воя и лая со стороны как правого, так и левого экстремизма, скажу следующее.

История последних лет у всех на памяти. Помним и лозунг ускорения научно-технического прогресса, и провалившиеся кампании борьбы с нетрудовыми доходами, с пьянством и алкоголизмом, и «закон о социалистическом предприятии», сделавший «чуть-чуть беспривязными» трудовые коллективы, и последовавшее затем нарушение экономических связей, растущую лавину дензнаков, не обеспеченных ни товарами, ни услугами, и провалившиеся попытки эту лавину обуздать, эти связи восстановить, и принципиально важное решение о передаче властных функций партии Советам, и позорные попытки эти самые функции любой ценой и под любым видом сохранить, и «парад суверенитетов», заведший страну в тупик, и попытки выйти из этого тупика постыдными погромно-силовыми приемами.

Здесь вряд ли уместно и возможно на оставшейся одной-единственной страничке написать подробную историю шестой нашей «перестройки», как она протекала в течение пяти лет и в каком состоянии находится сейчас, в начале 1991-го. Тем более, при существующем накале политических страстей, когда каждое неточное и тем более неверное слово может послужить детонатором новых взрывов, когда и старых более чем достаточно. Ограничусь несколькими замечаниями принципиального порядка.

Наиболее краткую и точную характеристику всего, что произошло в 1985—1990 годах, дал не кто иной, как главный идеолог КПСС на первом этапе «перестройки» Е. К. Лигачев. Мы, заявил он, различаем две основные характерные черты нового политического курса: глубокое обновление общества и строгая преемственность в политике с сохранением основополагающих принципов нашей системы. Иными словами, кардинально изменить все, ничего не меняя. Как говорится, умри, Егор Кузьмич, лучше не скажешь.

Сказанное означает: предприятия получают самостоятельность, но ими продолжают управлять клики московских дьяков, меняющих министерские вывески на «концерновые», провозглашается частное предпринимательство, но по рынку по-прежнему будет расхаживать унтер Пришибеев, а крестьян по-прежнему будет душить колхозно-совхозный диктатор-крепостник; провозглашается многопартийность, но КПСС по-прежнему будет навязывать свою принудительную идеологию, а прочие «минипартии» будут служить бутафорией удушения свободной мысли; провозглашается суверенитет республик, но в них по-прежнему посылаются московские воеводы со своими стрельцами-омоновцами. И так далее.

Да разве можно впрячь в одну телегу белого коня, на котором гарцует очередной генерал-полковник или просто полковник, и трепетную лань едва рождающейся демократии? Ясно, что неизбежны конфликты и нарастающее обострение политической борьбы, грозящей перерасти в борьбу уже не только политическую.

Сколько ни говори о необходимости экономических связей (а они, действительно, очень важны), разве можно сегодня навязывать их силой, не нарываясь на губительные для страны забастовки? Сколько ни говори о необходимости сохранения рентабельных колхозов и совхозов (кто же против этого спорит, пока нет ничего взамен?), но до тех пор, пока не воссоздадим советское фермерство целевой программой наибольшего благоприятствования — так и будем все время на грани голода и массовых голодных бунтов при любых урожаях. Сколько ни кричи о «социалистическом выборе» и «коммунистической перспективе» (без раскрытия этих пустых словосочетаний) — является лишь вопросом времени наша эволюция от Албании к Болгарии, Румынии, Венгрии и далее со всеми остановками к нормальному обществу, нормальному идеологическому плюрализму. Сколько ни перечисляй ошибок и глупостей «на местах и в центре» относительно вопросов национальной политики (а ошибок и глупостей сделано, действительно, немало, и о них говорят

все, до Б. Ельцина включительно) — это еще не основание действовать в столицах суверенных республик, как в Кабуле 1979 года. У кого есть совесть — восстанет против насилия. У кого нет, придется напомнить: хочешь повторить «афган» в собственной стране — получишь его пострашнее, чем за Кушкой.

И вот, в начале 1991 года мы подошли к рубежу, к которому уже подходили в 1861-м: по какому пути идти — по «прусскому», с крепостниками, губернаторами, погромами (и, понятно, восстаниями), либо по «американскому» с миллионом новых частных предприятий каждый год, с фермером, который кормит полтораста человек вместо наших пяти, с сильной оппозицией, которая не дает правящей партии самодурствовать как прежде и сегодня, с сильным региональным и муниципальным правлением, которое избавляет народ от извечного нашего хождения по мукам.

Судя по всему, правительство избирает «прусский» путь. И тогда нынешние сумерки перестройки — вечерние. За ними — вновь беспросветная ночь, какую мы уже видали в 1929, 1959, 1969 и в 1979 годах. Но ведь за ночью обязательно последуют предрассветные сумерки. И снова настанет 1956, 1966, 1985 год. Да ведь нам придется встречать его вместе с Кубой и Северной Кореей, догоняя далеко ушедшие вперед Руанду и Бурунди! Ах, как хотелось бы, чтобы наступившие сумерки оказались не послезакатными, а сразу предрассветными. Чтобы явно подошедшая к тупиковому концу очередная «перестройка» вылилась в решительную и быструю нормализацию ненормального, больного общества. Чтобы наступил, наконец, день нашего полного приобщения к современной мировой цивилизации, день окончательного перехода из страшной сказки в подлинно человеческую и человечную быль.

ОТКУДА МЫ

Александр Ястребов

«МЫ ОСЕНЯЕМ ТЕБЯ НЕ КРЕСТОМ...»

> Милая Фидель! Я все не могу привыкнуть к твоему мещанскому имени. Как будто бы уже не могли дать тебе лучшего? Фидель, Роза — какой пошлый тон!
>
> *Н. В. Гоголь. Записки сумасшедшего*

В первое послереволюционное десятилетие, как известно, развернулась борьба с проявлениями быта, которые хоть сколько-нибудь могли напоминать трудящимся Советской России о ненавистном эксплуататорском прошлом. С превеликим старанием коммунистами и комсомольцами переоценивалось все. Сегодня это кажется анекдотом, но к числу предрассудков были отнесены пляски, танцы, любовь; дурным тоном считались рукопожатия, косметика, галстуки и так далее.

В 1923 году в свет вышел сборник «Быт и молодежь», подготовленный «Правдой» и «Беднотой». Вот какие мысли и идеи изложила на его страницах одна из «воинствующих» представительниц прекрасного пола:

«Я думаю, что мы во весь рост должны поставить тот вопрос, чтобы твердо и бесповоротно взять курс на изживание следующих явлений, которые достались нам от рабского прошлого, когда царизм высасывал кровь (Выделено мною.— *А. Я.*).

Вопрос о рукопожатиях. Необходимость борьбы с этим позорным явлением прошлого ясна для каждого молодого сознательного ленинца. Мы ставим этот вопрос в плоскости:

а) антисанитарии данного акта как источника заразы. На руках могут находиться зародыши заразных болезней, как то: туберкулеза, ангины, крупозного воспаления легких, венерических болезней и так далее;

б) строительства нового быта. Постольку, поскольку рукопожатие является преступной выдумкой попов и буржуев, которым было выгодно заражать забитых рабочих и крестьян, мы с презрением должны откинуть этот метод.

О галстуках. Это есть ни более, ни менее, как отрыжка прошлого. На вопрос о том, зачем ты носишь галстук, тот или иной бессознательный комсомолец со своей стороны базируется на том, что это охорашивает, и что в крайнем случае это не так плохо, потому что галстуки носили многие вожди рабочего класса. Но я говорю— это есть карьеризм со стороны рядовых членов — когда они лезут в вожди. Они, как таковые, должны открывать шею солнцу, а не ходить как собачка в ошейнике.

С этим тесно связан женский вопрос, к которому я и перехожу.

Об одежде комсомолок. Некоторые комсомолки стремятся одевать свое тело покрасивее, вешать на шею там разные бантики, шарфики, а на ноги стремятся надевать не сапоги, какие носит наш брат, а даже полуботинки на высоких каблуках. Спрашивается, к чему вышеуказанные декорации, как говорит одна особа в лице женорганизатора, которая однажды указала нашим девчатам: «Вы не мещайтесь... Тоже, нарядились, а вот загните подолы и вымойте пол в клубе. Тогда вы будете настоящими строителями светлого будущего».

Вопрос о любви. В этом пункте мы имеем влияние на некоторых членов союза разных стихов и другого хлама, которые сочинялись поэтами и прочими бумагомарателями о том, что любовь есть украшение личной жизни, а не голое размножение, что она должна быть как яркий букет хороших цветов и прочая там плешь. Между тем, любви нет, а есть физиологическое явление природы, и телячьи нежности тут ни при чем...

Наконец, о танцах. Уже урегулирован вопрос о танцах, доказан их вред, но мы видим, как некоторые элементы еще продолжают вертеть ногами. Это недопустимое явление способствует, с одной стороны, поднятию пыли в клубах, а с другой, ведет к мещанской психологии и отрыву от масс. Я думаю, что трудящиеся массы не из-за того взяли власть в свои руки, чтобы пускаться в пляс и в прочие другие мелкобуржуазные выходки. Надо таких комсомольцев за ушко, да на солнышко. Сорную траву — из поля вон. Скатертью им дорожка».

Новая эпоха выковывала свой идеал, идеал рождал стиль грядущей жизни, уничтожавший то, что создавалось веками,— народные обычаи, правила хорошего тона, индивидуальность самой личности.

В этих условиях громадного подъема общественной самодеятельности закладывался фундамент новых ритуалов, которые должны были зафиксировать основные вехи жизненного пути строителя социализма: рождение, брак, смерть. Перспективы развития быта прорабатывались на всех этажах общества. Много внимания им уделяли равно, как ря-

довые его члены, так и государственные деятели — Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская *, Ем. Ярославский и другие. Их теоретические изыскания во многом оказали влияние на развитие культуры.

Летом 1923 года в Москве состоялось совещание лучших столичных агитаторов-массовиков. Председательствовал сам Троцкий. В ходе встречи рассматривались различные способы воздействия на религиозный быт. Выступления стенографировались. Вот некоторые из них:

«**Дорофеев — секретарь парторганизации Московского Совета.** Вместо старых церковных обрядов новых бытовых форм не наблюдается, просто осталось пустое место, и часто на этой почве происходят тяжелые семейные сцены, когда жена рабочего посылает крестить или хоронить ребенка, соблюдая церковные обряды, а муж ее не пускает — сердится.

Захаров — секретарь Рогожско-Симоновского райкома партии. У одного рабочего родился сын. Так он устроил вот что: созвал представителей от завода, они выбрали председателя — не знаю, был ли доклад, но проголосовали, как назвать ребенка, составили протокол, подписали, а потом уже было и остальное — чай и так далее.

Марков — председатель отдела губсоюза текстильщиков. По-моему, лучше всего и прежде всего нужно завести такое место, где можно сжигать трупы. И начать нужно просто с больших лиц. Помер человек, надо так и сказать, что сжечь его... Вот, например, тов. Воровского хоронили, а если бы сжечь его и потом провести кампанию, что, мол, был такой человек, и мы его сжигаем.

Осипов — групповой организатор Бауманского района. Относительно рождения тоже есть вопрос. Я знаю, что иногда устраиваются комсомольские крестины. Прежде всего при рождении поднимается вопрос о том, как назвать ребенка. Знаю один случай, когда предложили назвать ИЛЬИЧЕМ. Потом отец пришел обратно и спрашивает: можно ли прибавить ЛЕНИН? Сказали: можно. Ну, говорит, так и назовем: ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Гордон — заведующий организационным отделом Сокольнического райкома партии. У одной работницы родился ребенок 1 Мая, и она назвала дочку Майей. Имя Октябрина уже приобрело некоторые права гражданства. Предлагали даже имя Крокодил. Недавно мы разговаривали и пришли к заключению, что какого черта мы будем называть наших детей по именам, которые даются святцами.

Каждое имя — это название какой-нибудь вещи на иностранном языке. Каждое имя — что-нибудь определенно означает. Давайте сделаем и тут революцию и будем называть другими именами, которые нам подходят. Проследите, как за этот период революции называют детей. Очень многих детей-девочек называли Розой, в память Розы Люксембург, а мальчиков большинство называли Владимирами — в честь Владимира Ильича. Эта тенденция есть, а также есть и тенденция выдумывать новые имена. Это имеет будущее, хотя пока это задевает только коммунистов. Мы должны перестать называть детей именами, которые не имеют никакого смысла, или имеют даже скверный смысл.

Одним из первых проявлений нового быта стали «октябрины», или «красные крестины». Выдуманные в противоположность церковному обряду крещения, они преподносились массам как «форма для отпразднования и наименования ребенка».

---

* В подтверждение этого см. публикацию «Борьба с «чуковщиной» на с. 17 этого номера.

Благодаря хорошо поставленной пропаганде и агитации, такие общественные мероприятия, преподносившиеся как норма социалистического бытия, очень скоро широко распространились по стране. Центральные и местные газеты, освещая ход кампании, активно помещали статьи и заметки с характерными заголовками: «С колыбели в рабочие ряды», «Советские крестины», «Октябрины» в клубе Наркомпроса»... Отныне «ребенок являлся сырьем, материалом, которому нужно придать известную форму, который нужно оформить». Но, несмотря на усилия, эти новации советской власти в самой народной гуще были встречены более чем осторожно. Даже в 1934—1936 годах на территории РСФСР 80% новорожденных по-прежнему продолжали крестить в церкви, примерно 40% молодых венчались церковным браком и около 90% умерших отпевались по старинке.

«Октябрить» новорожденных начали в 1922 году. Тогда этот ритуал впервые был выполнен по полной программе: с представителями общественных организаций и товарищами по работе, с выборами имени и соответствующими речами, с зачитыванием родителям и виновнику торжества наказа, и прочим, что полагалось в подобных случаях. Были там и свои почетные символические гости: «Кум — рабочий класс. Кума — коммунистическая партия».

Но обратимся к первоисточникам. В ЦГАОР СССР сохранились протоколы, присылавшиеся в Москву «для отчетности» и позволяющие воспроизвести царившую на этих мероприятиях атмосферу.

ПРОТОКОЛ
общего собрания членов Кременчугского райкома Союза деревообделочников от 20 января 1924 года

В Президиум избираются: (следует перечень фамилий).
Повестка дня:

1. Крестины ребенка рабочего — члена союза т. Красника.

т. РАДЧЕНКО, открывая собрание, отмечает значение торжества, указывая на то, что означенный факт знаменует собой результаты союзно-воспитательной работы, осознание членской массой абсурдности религиозных обрядов, дурманивших и угнетавших рабочий класс в течение многих веков. Только Великий Октябрь, освободивший рабочий класс от ига капитала, дал возможность прозреть и строить нашу жизнь, как это подсказывает нам наша совесть и разум. Тов. Радченко, оглашая постановление Правления о наречении новорожденной именем славного вождя т. Ленина (НИНЕЛ), говорит, что обещаем воспитывать ребенка в коммунистическом духе и надеемся, что новый член общества будет с гордостью носить имя нашего великого учителя.

Единогласно одобряется постановление Правления о наречении ребенка именем НИНЕЛ и зачислении ее членом Всероссийского профсоюза деревообделочников

т. РАДЧЕНКО вручает родителям новорожденной союзный членский билет и подарки, передав ребенка представителю ЮС (Юных спартаковцев.— *А. Я.*).

т. ОРЕНШТЕЙН от имени горкома ЮС объявляет о зачислении новорожденной в группы ЮС кандидатом в течении 10 лет, по истечении какового срока ЮС обязуются воспитывать ребенка в духе программы спартаковцев, подготовив его для вступления в КСМ.

Представитель городской организации КСМ т. МИХЕЛЬСОН объ-

являет о зачислении новорожденной кандидатом КСМ на 14 лет, после чего обязуется передать ребенка в славные ряды РКП.

т. ОРЕНШТЕЙН от имени горкома ЮС накалывает новорожденной значек с надписью: «Учись, крепись, борись и объединяйся». т. МИХЕЛЬСОН от имени городской организации КСМ прикалывает новорожденной значок «К.И.М.».

т. КОВАЛЬ — представитель РКП, принимая от представителя КСМ новорожденную, говорит, что, пройдя через вышеуказанные школы коммунизма (ЮС и КСМ),— последняя должна будет вступить в боевые ряды РКП, каковая, закаляя ее в революционной борьбе за наши заветные идеалы, создаст из нее истинную защитницу интересов рабочего класса. В заключение прикалывает новорожденной портрет Ильича.

От имени культотдела Союза и женотдела выступают тт. ГУРЕВИЧ и ХАЗАНКИНА, каковые в своих словах указывают, что сегодняшнее торжество нами отмечается не потому, что красива обстановка, в которой происходит торжество, и не потому, что красноречивы приветствия, а потому, что сегодняшний факт иллюстрирует перед нами отказ от старых традиций, понимание сознательной нашей массой, во имя чего надлежит от них отказаться, победу на идеологическом фронте. И сегодняшнее торжество должно послужить примером для еще колеблющихся товарищей, окончательно не освободившихся от пережитков старого строя.

Отец новорожденной т. КРАСНИК, принимая ребенка от представителя РКП, обещает воспитывать не только новорожденную, но и имеющихся у него детей по-пролетарски, по-коммунистически...

т. ВЕРБИЦКИЙ оглашает постановление правления о наречении новорожденной именем великого славного вождя тов. Ленина, говорит, что ребенка будем воспитывать в коммунистическом духе и надеемся, что он с гордостью будет носить имя нашего великого вождя.

т. ВЕРБИЦКИЙ объявляет собрание закрытым, каковое при криках: «Да здравствует Великий Октябрь, давший возможность рабочему классу освободиться от капитала и религиозных предрассудков», расходится.

В постановлении говорилось: «Мы осеняем тебя не крестом и молитвами — наследием тьмы и рабства, а нашим Красным знаменем борьбы и труда.

Мы, поколение Октябрьской революции, высоко пронесли это знамя над головами среди крови, среди голода, среди нищеты и отчаянной борьбы с волками и псами капитализма. Неси его дальше. Борись и работай под ним.

Рабочий класс веками жил в рабстве у капиталистов, 6 лет тому назад у нас в России рабочий сбросил цепи капитализма и взял власть в свои руки. Истинным руководителем рабочего класса в его священной борьбе против капиталистов всех стран была и есть Коммунистическая партия. Только под знаменем Мировой Коммунистической партии трудящиеся могут построить новую лучшую жизнь. И ты в своей борьбе иди по пути, намеченному Коммунистической партией.

Ты родился в момент ожесточенной классовой борьбы во всем мире, и когда рабочие Германии окружены врагами и предателями, хотят дать решительный бой буржуазии, по примеру русских рабочих они готовятся взять власть в свои руки.

Вместе с рабочими Германии будет бороться весь мировой Пролетариат. И до тех пор, пока капитализм не будет выгнан из всех углов земного шара, нас ждут лишения, труды и жертвы. Мы не отступим перед ними, через все препятствия мы прорвемся к победе.

Уже занялась заря новой жизни над измученной землей. Пусть горит яркое солнце коммунизма. В твоем лице мы приветствуем светлое будущее, ради которого мы готовы пойти на всякие жертвы.

Мы даем тебе имя...

Прочти эти строки, когда созреет твой разум и окрепнет твоя воля, и оковы угнетения разбей до конца...»

Так началась история советского имятворчества, показавшая всему миру, что фантазия нашего человека не имеет предела.

В последовавшие десятилетия борьба за новый быт продолжалась. В ходе ее появлялись и исчезали бесследно, словно бабочки-однодневки, исчерпавшие себя праздники и обряды. Но память об «октябринах» помимо нашей воли сохранилась и поныне. Жива она, благодаря ныне здравствующим людям старшего поколения, появившимся на свет после революции.

Помещаемый ниже материал, в силу своей «выразительности» не нуждается в комментариях...

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН, ПРИСВАИВАВШИХСЯ СОВЕТСКИМ ДЕТЯМ В 20-е — 30-е ГОДЫ *

Авксома — Москва наоборот
Алгебра
Анти — в память полного отрицания богов
Вагранка
Вилен, Вилена, Владлен — В. И. Ленин
Будена
Гений
Гертруда — Герой Труда
Гелий
Гласп — Главспирт
Градация
Гранит
Декрета
Догнат-Перегнат
Звездочка
Идея
Идеал
Изольда — изо льда
Икки — Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
Интерна
Ким — Коммунистический интернационал молодежи
Красарма — Красная армия
Красный Октябрь
Кувалда
Лагшмивара — лагерь Шмидта в Арктике
Ленин, Ленина
Ленинизм
Ленэра — ленинская эра
Лорикэрик — Ленин, Октябрьская революция, индустриализация, коллективизация, электрификация, радиофикация, коммунизм
Май грядущий
Майя
Маркс
Мир безбрежный
Мэлс — Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин
Мюда — Международный юношеский день
Нинелив, Нинель — В. И. Ленин наоборот
Новомир — новый мир
Нэра — новая эра
Октябрина, Октябрь
Орр — отец русской революции
Пионер
Радий
Райтия — районная типография
Ревдит — революционное дитя
Реввола — революционная волна
Револьд — революционное движение
Ремизан — революция мировая занялась
Рената — революция, наука, труд
Роблен — родился быть Лениным
Рэм — революция, электрификация, машиностроение
Сталь, Сталий
Стяг пламенный
Текстиль
Трактор
Труд, Труда
Фантазия
Февралина
Фридрих
Цас — центральный аптечный склад
Элита
Энгельс, Энгельсина
Юнарма — юная армия

---

* Составлен автором на основании архивных документов, газет и других изданий.

КОММЕРЧЕСКИЙ АКЦИОНЕРНЫЙ БАНК
СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
БАУМАНСКОГО РАЙОНА

СОЦКОМБАНК

«Соцкомбанк» — один из самых престижных банков г. Москвы со специализацией на комплексное обслуживание крупных, финансово-устойчивых предприятий и организаций, а также на привлечение и размещение временно свободных ресурсов.

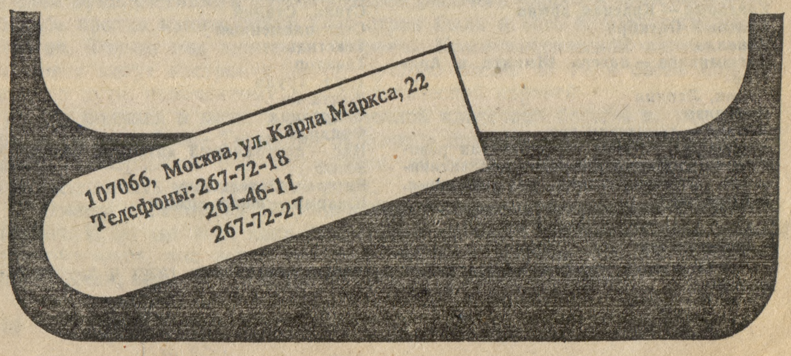
«Соцкомбанк» — предлагает: кредитное, расчетно-кассовое обслуживание, проведение факторинговых, лизинговых операций, аудиторские, консультационные, посреднические, юридические услуги, оказывает содействие в выпуске и размещении акций.

«Соцкомбанк» — предлагает кредит для выкупа предприятий. Все отношения банка с клиентами строятся на взаимовыгодной договорной основе.

В нашем банке вы можете получить документацию для перехода на аренду, пакеты документов коммерческих и кооперативных банков, информацию о поставках и потребителях сырья, оборудования, товаров, услуг. Коммерческие предложения, заявки на приобретение и сбыт оборудования, сырья, материалов и услуг принимаются бесплатно и в неограниченном количестве.

«Соцкомбанк» — ваш самый надежный и заинтересованный партнер.

ЖДЕМ ВАС В НАШЕМ БАНКЕ!

ЕЛЕНА БОРЗЫХ

Рыбаки

Весна

Осень

На берегах Мологи

2

БОРЬБА С «ЧУКОВЩИНОЙ»

Документы по истории литературы 20-х годов

Предлагаемые вниманию читателей документы — образчики печатной продукции, обширно представленной в журналах и газетах 20-х годов. Современному читателю известно, что в те годы велась борьба с «булгаковщиной», «есенинщиной» и со многими другими писателями. В числе других оказался и Корней Чуковский.

От тех времен сохранилась в его архиве папка: «Борьба с «чуковщиной». Некоторые документы из этой папки теперь опубликованы (см. «Детская литература», 1988, № 5, с. 31—35). В 60-е годы Чуковский заказал увеличенные фотокопии статей К. Свердловой и «Родителей Кремлевского детсада», застеклил и окантовал их, после чего развесил статьи по стенам у себя в переделкинском доме.

Начиная с одиннадцатого издания «От двух до пяти», в книгу входила глава «Борьба за сказку». В главе приводились многие примеры «обывательских методов критики», однако не были названы по именам те, кто организовал и возглавил «борьбу с чуковщиной».

Дело в том, что против Чуковского, напечатавшего в 20-е годы бóльшую часть своих детских сказок, выступила вся казенная педагогика, которую тогда возглавляли жены видных деятелей ВКП(б). Считалось, что они достаточно подготовлены, чтобы руководить культурой, просвещением, детской литературой. Тут можно назвать З. И. Лилину — жену Г. Е. Зиновьева, Н. К. Крупскую, К. Т. Свердлову и других. Носительницы известных в те годы фамилий высказывали свои педагогические взгляды в виде непререкаемых резолюций, так как звучные фамилии подкреплялись весьма внушительными постами. Вот, например, перечень должностей Н. К. Крупской: председатель научно-педагогической секции ГУСа (Государственного Ученого Совета), председатель Главполитпросвета, зам. наркома просвещения (с 1930 г.). Существовала Академия Коммунистического воспитания имени Крупской.

Именно поэтому ее статья в «Правде» (1 февр. 1928 г.) «О «Крокодиле» К. Чуковского» представляла собой не литературную рецензию, но руководящую директиву, за которой немедленно последовали запреты на издание сказок.

О дальнейшем говорят уцелевшие документы тех лет. Дочь К. Чуковского, Лидия Корнеевна, которой шел тогда 21-й год, написала письмо Горькому в Италию (письмо хранится в Архиве М. Горького). Возможно, под влиянием этого письма Горький возразил Крупской в «Правде». Письмо Лидии Чуковской публикуется впервые.

Странную, непонятную для тогдашней интеллигенции манеру жен партийных сановников — поучать профессиональных литераторов — впервые высмеял в печати Владислав Ходасевич в своем эссе «Белый коридор». Ходасевич написал об Ольге Давыдовне Каменевой, жене Л. Б. Каменева. Она заведовала тогда Всероссийским театральным отделом. Вот несколько зарисовок Ходасевича:

«Она (О. Д. Каменева.— *Е. Ч.*) меланхолически мешает угли в камине и развивает свою мысль: поэты, художники, музыканты не родятся, а делаются; идея о прирожденном даре выдумана феодалами для того, чтобы сохранить в своих руках художественную гегемонию; каждого рабочего можно сделать поэтом или живописцем, каждую работницу — певицей или танцовщицей; дело все только в доброй воле, в хороших учителях, в усидчивости...

Ей непременно нужно вмешиваться в дела художественные. Поэтому она затевает новую организацию, нечто вроде покойного Пролеткульта, но не Пролеткульт... Ольга Давыдовна намерена собрать писателей, музыкантов, артистов, художников, чтобы сообща обсудить проект. Это значит — опять будут морить людей заседаниями...»

В дневниковых записях Корнея Чуковского тоже присутствуют портреты руководящих педагогических деятельниц. Дневник будет опубликован в 1991 г. в издательстве «Советский писатель».

В разгар «борьбы с чуковщиной» Чуковский писал в одном из своих протестов:

«...А насчет того, что такое чуковщина, у меня есть особое мнение. Я, например, думаю, что этим словом ругаться нельзя... Чуковщина — это, во-первых, любовное и пристальное изучение детей. Во-вторых, это литературное новаторство — правда очень скромных размеров: попытка изобрести новые формы и методы литературного подхода к ребенку... В третьих, чуковщина — это честная работа над своим материалом...»

В нашей публикации звучат аргументы обеих сторон. Пусть же время и читатели рассудят, кто был прав в этом споре.

О «КРОКОДИЛЕ» К. ЧУКОВСКОГО

Надо ли давать эту книжку маленьким ребятам? Крокодил... Ребята видели его на картинке, в лучшем случае в Зоологическом саду. Они знают про него очень мало. У нас так мало книг, описывающих жизнь животных. А между тем жизнь животных страшно интересует ребят. Не лошадь, овца, лягушка и пр., а именно те животные, которых они, ребята, не видели и о жизни которых им хочется так знать. Это громадный пробел в нашей детской литературе. Но из «Крокодила» ребята ничего не узнают о том, что им так хотелось бы узнать. Вместо рассказа о жизни крокодила они услышат о нем невероятную галиматью. Однако не все же давать ребятам «положительные» знания, надо дать им и материал для того, чтобы повеселиться: звери в облике людей это — смешно. Смешно видеть крокодила, курящего сигару, едущего на аэроплане. Смешно видеть крокодильчика, лежащего в кровати, видеть бант и ночную кофту на крокодилихе, слона в шляпе и т. д.

Смешно также, что крокодил называется по имени и отчеству: «Крокодил Крокодилович», что носорог зацепился рогом за порог, а шакал заиграл на рояли. Все это веселит ребят, доставляет им радость. Это хорошо. Но вместе с забавой дается и другое. Изображается народ: народ орет, злится, тащит в полицию, народ — трус, дрожит, визжит от страха («А за ним-то народ и поет и орет...», «Рассердился народ и зовет и орет, эй, держите его да вяжите его. Да ведите скорее в полицию.», «Все дрожат, все от страха визжат...»). К этой картинке присоединяются еще обстриженные под скобку мужички, «благодарящие» шоколадом Ваню за его подвиг. Это уже совсем не невинное, а крайне злобное изображение, которое, может, недостаточно осознается ребенком, но залегает в его сознании. Вторая часть «Крокодила» изображает мещанскую домашнюю обстановку крокодильего семейства, причем смех по поводу того, что крокодил от страха проглотил салфетку и пр., заслоняет собой изображаемую пошлость, приучает эту пошлость не замечать. Народ за доблести награждает Ваню, крокодил задаривает своих земляков, а те его за подарки обнимают и целуют. «За добродетель платят, симпатии покупают» — вкрадывается в мозг ребенка.

Крокодил целует ноги у царя-гиппопотама.

Перед царем он открывает свою душу. Автор влагает в уста крокодила пафосную речь, пародию на Некрасова.

«Узнайте, милые друзья,
Потрясена душа моя.
Я столько горя видел там,
Что даже ты, гиппопотам,
И то завыл бы, как щенок.
Когда б его увидеть мог...
Там наши братья, как в аду —
В Зоологическом саду.
О, этот сад, ужасный сад!
Его забыть я был бы рад.
Там под бичами палачей
Немало мучится зверей:
Они стенают и зовут
И цепи тяжкие грызут,
Но им не вырваться сюда
Из темных клеток никогда.
...Мы каждый день и каждый час
Из наших тюрем звали вас
И ждали, верили, что вот
Освобождение придет,

Что вы нахлынете сюда,
Чтобы разрушить навсегда
Людские злые города,
Где ваши братья и сыны,
В неволе жить обречены!
Сказал и умер. Я стоял
И клятвы страшные давал
Злодеям людям отомстить
И всех зверей освободить...»

Эта пародия на Некрасова не случайна.

Чуковский редактировал новое издание Некрасова и снабдил его своей статьей «Жизнь Некрасова». Хотя эта статья и пересыпана похвалами Некрасову, но сквозь них прорывается ярко выраженная ненависть к Некрасову. Описывая то, что Некрасову приходилось наблюдать в детстве, он замечает: «В пору же малолетства он мало вникал в то, что видел, и был самый обыкновенный помещичий сын». Помещичье происхождение Некрасова автор и дальше особо выпячивает: «...в сущности, Некрасов был дворянин, сын помещика, такой же барин, как Герцен, Тургенев, Огарев».

«К десятилетнему возрасту из мальчика вышел умелый картежник и меткий стрелок». «На одиннадцатом году Некрасов был отдан отцом в Ярославскую гимназию, где учился плохо и лениво». В семнадцать лет, по словам Чуковского, Некрасов был малоразвитым подростком, имевшим пристрастие к романтической позе и фразе, писавшим фразистые стихи, не имевшие успеха. Но Некрасов умел приспособляться. «Его бойкие и ловкие стишки о взятках, деньгах, картах и чинах — обо всем, чем волновалось тогдашнее общество, пришлись по вкусу невзыскательным читателям». Некрасов превратился, по словам Чуковского, в писателя-поденщика, развлекателя публики, угождавшего «казарменно-канцелярской публике». «Все видели в нем бойкого, смышленого юношу, который умело и ловко пробивает себе дорогу». Но Некрасов «тайно терзался страшной тоской» Вообще тоска (или, как тогда говорили, хандра) была характерным свойством Некрасова, «присущим ему с самого детства».

На Некрасова обратил внимание Белинский — и Некрасов, забросив бойкие куплеты, стал писать «об угнетенных и страдающих». «Основной тон большинства его стихотворений — тон унылого, однообразного плача, прерываемого воплями проклятий и жалоб. Ритмы тягучие, с постоянным стремлением к протяжным звукам, протяжным словам. Почти все эти стихи повествовали о страданиях от холода, голода, насилия, болезней, нужды». «К началу пятидесятых годов благосостояние поэта упрочилось», он стал издателем. «У него был великий талант отыскивать и приманивать таланты». К концу 50-х гг. «в русском обществе выдвинулись и заняли передовые позиции «новые люди», разночинцы, плебеи, люто ненавидевшие дворянскую, помещичью Русь. Некрасов, единственный из выдающихся русских поэтов, был тогда выразителем их идеалов и вкусов».

Далее описывается Некрасов во времена реакции конца 60-х гг. Затем говорится о разночинной молодежи и ее фантастической вере в революционный инстинкт народа. «Эти новые настроения передовой молодежи могуче отразились на некрасовском творчестве. Его отношение к народу становилось с каждым годом все любовнее». «А когда Некрасов заболел, его поклонение народу приняло еще более страстный характер. Можно сказать, что на смертном одре «народ» заменял ему бога. Мучаясь невыносимыми болями, он даже молился народу о своем исцелении».

Все это мог писать только идейный враг Некрасова. Мелкими плевками заслоняет он личность «поэта мести и печали». И как-то особо резко выступает это мелкое злобствование, вплетенное в громкие хвалы Некрасову, рядом с прощальным приветом Чернышевского, присланное из далекой ссылки умирающему поэту (эти слова приводит сам же Чуковский).

«...Скажи ему,— писал Чернышевский Пыпину,— что я горячо люблю его как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума. И, как поэт, он, конечно, выше всех русских поэтов».

Ну, ладно. Вернемся к «Крокодилу». После сказанного ясно, почему так режет эта пародия на Некрасова в детской книжке.

Чуковский так увлекся писанием пародии на Некрасова, что забыл, что он пишет для маленьких ребят... Дальше фабула такая: звери под влиянием пожирателя детей, мещанина-крокодила, курившего сигары и гулявшего по Невскому, идут освобождать своих томящихся в клетках братьев-зверей. Все перед ними разбегаются в страхе, но зверей побеждает герой Ваня Васильчиков. Однако звери взяли в заложницы Лялю, и, чтобы освободить ее, Ваня дает свободу зверям:

«Вашему народу
Я даю свободу,
Свободу я даю!»

Что вся эта чепуха обозначает? Какой политической смысл она имеет? Какой-то явно имеет. Но он так заботливо замаскирован, что угадать его довольно трудновато. Или это простой набор слов? Однако набор слов не столь уже невинный. Герой, дарующий свободу народу, чтобы выкупить Лялю,— это такой буржуазный мазок, который бесследно не пройдет для ребенка. Приучать ребенка болтать всякую чепуху, читать всякий вздор, может быть, и приятно в буржуазных семьях, но это ничего общего не имеет с тем воспитанием, которое мы хотим дать нашему подрастающему поколению. Такая болтовня — неуважение к ребенку. Сначала его манят пряником — веселыми, невинными рифмами и комичными образами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдет бесследно для него.

Я думаю, «Крокодил» ребятам нашим давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть.

Н. Крупская

«Правда», 1928, 1 февраля

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Я с детства привыкла знать, что если с писателем случается несчастье — нужно просить защиты у Горького.

С моим отцом, писателем К. И. Чуковским, случилось большое несчастье, и я обращаюсь к Вам, Алексей Максимович, за помощью.

После революции, отойдя от критической работы, К. И. работал в двух областях: в области создания детской книги и в области изучения Некрасова. «Крокодил» — книга, написанная еще до революции; после

революции вышли следующ. детские книги К. И.: «Мойдодыр», «Тараканище», «Муркина книга», «Мухина свадьба», «Пятьдесят поросят» (фольклор) и мн. др. Успех этих книг у детей — огромный, книги выдержали много изданий.

За последнее 10-летие К. И. вплотную подошел к изучению Некрасова. Им найден целый ряд ненапечатанных произведений Некрасова, им восстановлено множество искаженных цензурою строк. Им написана книга о Некрасове «Некрасов, как человек и поэт» и, наконец, им проредактировано для Госиздата Полное Собр. Сочин. Некрасова. В этом Собр. Сочин. имеется множество впервые печатаемых стихов Некрасова и, кроме того, почти каждое стихотв. в этом издании снабжено обширным комментарием.

Составление этих комментариев потребовало от К. И. двух лет упорной работы.

Академические круги признали издание Некрасова (Гиз, 1927) под редакцией К. И.— наиболее полным изо всех, когда-либо бывших.

В «Московской Правде» от 1/II 28 г. появилась рецензия Н. К. Крупской, прилагаемая мною к этому письму. В своей рецензии Н. К. утверждает 1) что книгу Чуковского «Крокодил» давать детям нельзя, 2) что «Чуковский ненавидит Некрасова».

О первом утверждении я писать не стану.

Но я хотела бы, Алексей Максимович, чтобы Вы решили: права ли Н. К. в своем утверждении, что Чуковский ненавидит Некрасова?

Чуковский пародирует в указанном отрывке не Некрасова, а Лермонтова, «Мцыри». Кроме того, пародия ведь отнюдь не является доказательством ненависти к пародируемому автору... Н. К. надергала несколько фраз из статей К. И. о Некрасове, вероятно, не потрудившись прочесть эти статьи до конца. А между тем, каждый, внимательно прочитавший книгу Чуковского о Некрасове, знает, что цель этой книги — не обвинение и не оправдание Некрасова, а правдивое освещение его жизненного и творческого пути. Некрасов был барином-картежником — и в то же время великим поэтом и великим революционным бойцом. Чуковский в своей книге говорит: в том и заключается особое очарование и особая патетика некрасовской личности, что он проповедовал освобождение народа не смотря на свое барство, что он был великим поэтом, не смотря на свое картежничество... Неужели для того, чтобы в наше время чтить Некрасова — нужно непременно причесать его под безгрешного пролетария, ратующего за диктатуру пролетариата и строительство социализма в одной стране — в 50-х годах прошлого века?

Рецензия Крупской равносильна декрету о запрещении книг К. И. Половина его детских книг уже запрещена ГУС'ом; ходят слухи, что редактура нового издания будет поручена не ему...

К. И. совершенно подавлен. С ним происходит очень страшная вещь: впервые в жизни он не в силах работать. Свою работу над книгой о Толстом и Некрасове он бросил — говорит, что ему незачем, не к чему работать.

А между тем, как бы ни оценивать писательскую личность К. И.— нужно признать, что он большой труженик, что он 26 лет своей писательской деятельности трудится не покладая рук... и что Надежда Константиновна плюнула ему в лицо незаслуженно.

Как бороться с этой травлей специалиста — я не знаю. Я обраща-

юсь за помощью к Вам и крепко надеюсь на то, что Вы поможете восстановить справедливость.

Глубоко Вас уважающая

Ленинград, 14 февраля 28 г. *Л. ЧУКОВСКАЯ*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый тов. редактор! В № «Правды» от 1 февраля 1928 г. напечатана рецензия Н. К. Крупской о «Крокодиле» К. Чуковского. Попутно автор рецензии критикует и отличную работу Чуковского по Некрасову. Мне кажется, что критика слишком субъективна, а потому — несправедлива. Нельзя же обвинять Чуковского «в ненависти» к Некрасову на том основании, что Чуковский указывает: в детстве Некрасов «был обыкновенный помещичий сынок», а в 17 лет «малоразвитым подростком» — таковы факты. Не вижу признаков «ненависти» и в том, что Чуковский указывает на «помещичье» происхождение Некрасова. Не понимаю, как можно назвать «мелкими плевками» такие фразы Чуковского, как выписанные автором рецензии: «У него был великий талант отыскивать и приманивать таланты», или «новые настроения передовой молодежи могуче отразились на творчестве Некрасова», или «когда Некрасов заболел, его поклонение народу приняло еще более страстный характер».

Все это совершенно не является материалом для обвинения Чуковского «в ненависти» к Некрасову и в идейной вражде к нему. Неверным кажется мне и указание на то, что Чуковский «вложил в уста Крокодила пафосную пародию на Некрасова». Во-первых: почему это «пафосная пародия»? А уж если пародия, то скорее на «Мцыри» или на какие-то другие стихи Лермонтова. Очень странная и очень несправедливая рецензия.

Помню, что В. И. Ленин, просмотрев первое издание Некрасова под редакцией Чуковского, нашел, что это «хорошая толковая работа». А ведь Владимиру Ильичу нельзя отказать в уменье ценить работу.

25 февраля 1928 *М. ГОРЬКИЙ*

Сорренто *«Правда», 1928, 14 марта*

К. Свердлова

О «ЧУКОВЩИНЕ»

Последние мысли Чуковского о детях и детской литературе собраны в его недавно вышедшей книге «Маленькие дети» (изд. «Красной Газеты»). Вокруг Чуковского группируется и часть писательской интеллигенции, солидаризирующаяся с его точкой зрения. Таким образом, перед нами, несомненно, общественная группа с четко формулированной идеологией.

Приведем несколько цитат из книги Чуковского. «Мне давно уже кажется,— пишет Чуковский,— что нам, сочинителям детских стихов и рассказов, необходимо «уйти в детвору», как некогда «ходили в народ». Иначе все наши писания будут мертвечина и фальшь».

И дальше, говоря о нелепицах: «Некоторые наблюдатели думают, что самая эта тяга к обратной координации вещей порождена в ребенке стремлением к ю м о р у, нам кажется, что это не так, нам кажется, что остроумие здесь — только побочный продукт, а первопричина этой тяги иная. Мне кажется, что это явление сложное, я думаю, что тот инстинкт, который побуждает двухлетнего или трехлетнего ребенка устанавливать обратное взаимоотношение вещей, имеет в своей основе не юмористическое, но познавательное отношение к миру». «К счастью, ребенок не представляет себе всех колоссальных размеров того непонятного, которое окружает его, он вечно во власти сладчайших иллюзий, и кто из нас не видел детей, которые простодушно уверены, что они отлично умеют готовить обеды, играть на рояли, управлять оркестром и т. д. Их только потому не пугает их собственная неумелость, что они не подозревают об истинных размерах ее. Но всякий раз, когда по какому-нибудь случайному поводу они почувствуют, до чего они слабы, это огорчает их до слез. Это сознание собственной слабости вызывает в ребенке, наряду с болью, и страх. Ребенок вообще необыкновенно пуглив. Он боится всего: и темной комнаты, и собственной тени, и чужого человека, и тысячи всевозможных чудовищ, которыми взрослые пугают его. Такой же страх вызывает в нем все непонятное, то, с чем не в силах совладать его ум. Я знаю ребенка, который проявляет все признаки страха. Когда при нем говорят на неизвестном ему языке, он забивается в угол у книжного шкафа и с испугом смотрит оттуда на всех говорящих, даже на свою родную мать. Другой ребенок — четырехлетняя девочка — начинает испуганно хныкать, когда при нем читают непонятную книгу. Тот участок мира, который еще неизвестен ребенку, пугает его».

«Хождение в ребенка», культ тем личного детства, культ хилого рафинированного ребенка, мещански-интеллигентской детской, боязнь разорвать с корнями «национально-народного» и желание какой угодно ценой во что бы то ни стало сохранить, удержать на поверхности жизни отмирающие и отживающие формы быта; коллекционирование мелочей и раритетов, культ и возведение в философию «мелочей», нелепиц,— вот наиболее характерное для точки зрения этой писательской группы.

Почему надо присматриваться к писаниям Чуковского и иже с ним? Потому ли, что они предлагают возрождать и культивировать в детской поэзии народное творчество, потому ли, что они хотят веселить и забавлять ребят остроумной шуткой, веселой выдумкой?

Конечно, нет!

Кто будет возражать против непревзойденных образцов народной поэзии, кто будет спорить против того, что ребенка надо смешить, ибо бодрый смех — залог здоровья ребенка!

Мы должны взять под обстрел Чуковского и его группу потому, что они проводят идеологию мещанства, они несут ее с собой.

Опасно не то, что Чуковский в «Муркиной книге» развесил башмаки на деревьях, а то, что он подсовывает ребенку свою сладковато-мещанскую идеологию под видом заимствованных народных образцов — «рвите их, убогие, рвите, босоногие».

Из каких народных памятников заимствуют писатели этой группы свою сладковатую филантропию?

Опасно то, что писатели этой группы, делая «много шума из ничего», создавая целые теории в оправдание своего творчества, возводя в философию «комнатные мелочи», которыми по существу являются все споры о нелепицах, перевертышах и т. п., говоря о познавательном инстинкте в детской игре, о детских страхах, ни словом не обмолви-

лись о том, что в условиях нашего роста место неорганизованных ритмов «национальной поэзии» должна занять организованная ритмика грядущей индустриальной эпохи.

Говоря о детской игрушке, вздыхая о лубке, в котором ребенок представляет себя едущим не на коне, а обязательно на петухе или козе, они ни звука не говорят о механизированной игрушке, познавательная ценность которой в том, что она знакомит ребенка с явлениями, с которыми он сталкивается в нашей жизни, при нашей установке на машину.

Ратуя со всей горячностью за то, чтобы дать детям возможность умственной познавательной игры «в перевертывание», писатели этой группы ни словом не обмолвились об играх нового порядка, заполняющих жизнь нашего ребенка, о детской физкультуре, ритмике, организованной игре, производственной игре.

Плохо и опасно то, что, говоря о детских реакциях, детских переживаниях, детских страхах, писатели этой группы берут свои примеры из жизни детей, вырастающих в обстановке мещанской семьи, где детей «лелеют», оберегают от всякого дуновения жизни, выращивают их изнеженными, пугливыми, неврастеничными и нервными. Чуковский ни словом не упоминает о наших детях,— детстве, организованном через детский коллектив, где берется установка на умственную и физическую выдержку, на физическую смелость, на здоровую конкуренцию детской энергии, где от встреч детской энергии разного порядка вырастает новый тип ребенка.

В своей книге — «О маленьких детях» Чуковский рассказывает, что после чтения письма одного педагога, укорявшего его в том, что он забивает «головы наших ребят всякими путаницами», ему стало не то, чтобы грустно, а душно: «Письмо затхлое, словно из погреба». Эти слова полностью хочется возвратить Чуковскому и всей его группе. Душно, как в погребе, становится, когда смотришь на трагическую обреченность и узость его миросозерцания и идеологии. Вместо впитывания живой, молодой, бьющей ключом вокруг него жизни— гробокопательство, поиски безнадежно уходящего и отмирающего.

Мы должны категорически поставить вопрос о том, что с группой Чуковского нам в детской литературе не по пути, мы можем допускать к печати его удачные и талантливо сделанные вещи, но с идеологией Чуковского и его группы мы должны и будем бороться, ибо это идеология вырождающегося мещанства, культ отмирающей семьи и мещанского детства.

«Красная печать. Двухнедельный орган отдела агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б)», 1929, № 9—10

МЫ ПРИЗЫВАЕМ К БОРЬБЕ С «ЧУКОВЩИНОЙ»

(Резолюция общего собрания родителей Кремлевского детсада)

Общее собрание родителей Кремлевского детсада в количестве 49 чел. (22 рабочих, 9 красноармейцев, 18 служащих), заслушав и

обсудив 7 марта сего года доклад о том, «какая книга нужна дошкольнику», считает необходимым привлечь внимание советской общественности к тому направлению в детской литературе, которое стало известно под общим названием «Чуковщина».

В настоящее время мы имеем книги Чуковского и его единомышленников в издании государственного издательства. Как выяснилось, Чуковского читают своим детям и часть наших родителей. Наш советский детсад ведет упорную борьбу за идеологию, за новый быт ребенка, и в этой борьбе сада книга является одним из наиболее ценных и важных средств воспитания ребенка. Это хорошо учитывают наши враги, стремящиеся тоже через книгу вырвать у нас ребенка, подчинить его своему влиянию.

Чуковский и его единомышленники дали много детских книг, но мы за 11 лет не знаем у них ни одной современной книги, в их книгах не затронуто ни одной советской темы, ни одна их книга не будит в ребенке социальных чувств, коллективных устремлений. Наоборот, у Чуковского и его соратников мы знаем книги, развивающие суеверие и страхи («Бармалей», «Мой Додыр» — Гиз, «Чудо-дерево»), восхваляющие мещанство и кулацкое накопление («Муха-цокотуха» — Гиз, «Домок»), дающие неправильные представления о мире животных и насекомых («Крокодил» и «Тараканище»), а также книги явно контрреволюционные с точки зрения задач интернационального воспитания детей (Полтавский «Детки разноцветки» и-во Зиф, Ермолаевой «Маски» — Гиз).

В переживаемый страной момент обострения классовой борьбы, мы должны быть особенно на чеку и отдавать себе ясный отчет в том, что если мы не сумеем оградить нашу смену от враждебных влияний, то ее у нас отвоюют наши враги. Поэтому мы, родители Кремлевского детсада, постановили:

Не читать детям этих книг, протестовать в печати против издания книг авторов этого направления нашими государственными издательствами, предложить изъять из продажи совершенно ненормальные по рисункам книги Полтавского «Детки разноцветки», с рис. Чехонина, и Ермолаевой «Маски», предложить нашим издательским организациям усилить работу по выдвижению и подготовке соответствующих товарищей из среды пролетарских писателей, которые взяли бы в свои руки создание детской книги, соответствующей всей системе нашего воспитания, книги, которая бы развивала в наших детях зачатки здорового воображения, дала надлежащее классовое направление всему ходу их мыслей.

Призываем другие детские сады, отдельных родителей и педагогические организации присоединиться к нашему протесту и также высказаться на страницах газет.

От редакции. Помещая резолюцию, редакция просит родителей и педагогов — обменяться на страницах журнала мнениями по данному вопросу, подкрепив их конкретными материалами, наблюдениями, как реагировали дети на книжки Чуковского.

«Дошкольное воспитание», 1929, № 4 (Журнал Главсоцвоса)

Предисловие и публикация Елены ЧУКОВСКОЙ

Леонид Радзиховский

ЭКСПЛУАТАЦИЯ

Часто перестройку сравнивают с Реформацией. Верно: идет не просто политическая реформа, идет смена религии, крах старой ментальности, возникновение новой.

В советском «новоязе» были слова-мании и слова-фобии. Многие из них сейчас поменялись местами. Любимыми стали выражения «правовое государство», «права человека», «плюрализм мнений», даже «многопартийность». Одно из самых страшных понятий — «частная собственность», проклятая еще Марксом и Лениным. Но и ее начинают любить, от прежнего набора фобий осталось, пожалуй, лишь одно слово, которое для советского человека все равно звучит богохульством. Это слово — «эксплуатация».

У них человек эксплуатирует человека...

Надо помнить, что именно борьба с эксплуатацией была главным лозунгом революции. Это был действенный лозунг, потому что эксплуатация — страшное слово. Оно страшно тем, что будит, или, вернее, оправдывает, страшные эмоции. В понятии «эксплуатация» соединяются в гремучую смесь три чувства — зависть, жажда справедливости, надежда.

Зависть — чувство общечеловеческое, не признает государственных и временных границ. Бедняки всегда испытывали жгучую зависть к богачам. Дело немного смягчалось до тех пор, пока крестьяне считали себя как бы людьми иной породы, чем помещики, пока и в голову не приходило сравниваться с «господами». Но ситуация изменилась с началом капитализма, когда на глазах одного крестьянина богател его сосед,— тут уж зависть неудержима. И тогда в русский сноп упали искры теории эксплуатации и классовой борьбы.

Понятие эксплуатации резко усиливает зависть, наполняет особо мрачным и жгучим, оскорбительным содержанием. Выясняется, что не просто ты живешь бедно, а кто-то богато. Оказывается, все обстоит куда обиднее — эти вещи связаны. Ты живешь плохо вследствие того, что он живет богато; он живет богато за счет того, что ты живешь бедно. Взаимосвязь этих двух вещей гениально выразил Прудон в крылатой формуле «Собственность — кража». То есть богатые украли свое богатство, свою собственность у бедных, эксплуатируя их труд, недоплачивая им, а разницу присваивая. «Голодай — чтоб они пировали!»

Отныне прозревший бедняк с совсем новым, особенным чувством глядит на богача. Обида и ненависть не только многократно усилились. Они получили оправдание. Отныне бедняк знает, что его зависть и ненависть не беспредметны (что злиться на законы природы и мира!), они — справедливы. Он ненавидит тех, кто его обокрал, мечтает вернуть украденное. Это и сформулировал Ленин в своем робингудовском лозунге, который с упоением подхватили массы: «Грабь награбленное!»

Но не одна справедливость. Появилась и надежда. Те, кто шел грабить богачей, не просто мечтали набить карманы «на законном основании». Нет, многие из них искренне мечтали об окончательной справедливости, об уничтожении не только данных эксплуататоров, но эксплуатации вообще. Это и была главная мечта революции — впервые построить общество, где не будет эксплуатации человека человеком.

...а у нас — все наоборот

Поэтому-то величайшей государственной тайной всегда было то, что касалось разрыва в уровне жизни советских людей. В 20-е годы, когда власть собиралась разгромить нэп, всячески подчеркивались различия между нэпманами, кулаками и трудящимися. Но с тех пор, как нэп ликвидирован, пропаганда лишь постоянно напоминала, что «Нью-Йорк — город контрастов» (у советского человека до начала 80-х годов вообще пытались создать впечатление, что на Западе есть только миллионеры и безработные, которые питаются объедками).

Больше всего скрывалась разница в образе жизни между народом и высшими слоями партаппарата. Это делалось не просто, чтобы не возбуждать зависть, а главным образом, чтобы советский человек не почувствовал, что его эксплуатируют, а еще точнее — чтобы не понял, кто именно его эксплуатирует.

Дело в том, что скрыть сам факт эксплуатации все-таки немыслимо. В самом деле, любому же ясно, что рабочему за его труд недоплачивают. Иначе откуда бы брались деньги на армию, медицину, строительство и т. д. Но это так сказать «законная» эксплуатация. Тебе недоплачивает государство, которое использует взятое у тебя для твоего же блага,— такова всегда была официальная версия. Например, в фильме 30-х годов «Валерий Чкалов» знаменитый летчик говорит американцу: «На меня работает 180 миллионов человек (то есть все население СССР), а я работаю на них». Наивный американец (его, кстати, играл молодой Аркадий Райкин) разевает от изумления рот.

Затем с течением времени выяснялось все больше и больше, что такой беззастенчивой эксплуатации, как в СССР, нет больше нигде в мире, во всяком случае, в развитых странах. Появилась циничная поговорка: «Мы делаем вид, что работаем на государство, а оно делает вид, что нам платит». Больше того, выяснялось, что это государство не может даже толком распорядиться той прибавочной стоимостью, которую оно выгребает,— тратит триллионы на ненужные (или вредные) строительства, вооружение и так далее. Таким образом, версия, что государство тратит взятое у народа на его же, народа, пользу, подтвердилась, конечно... но не до конца.

Но выяснилось, что психологически все-таки не это главное. Латинская пословица говорит: «Имена вызывают ненависть». Вот именно. Вслушайтесь: «Эксплуатация человека — человеком». Вся сила ненависти собрана в последнем слове. Эксплуатация человека государством — это уже совсем не то. Степень эксплуатации может быть даже выше, но нет того живого лица, которое богатеет за твой счет, которое наливается твоим соком, украло у тебя твою собственность. В одном случае у тебя украли и глумятся над тобой, в другом — у тебя пропало как бы в результате «стихийного бедствия», закона природы, над которым ты не властен.

Это очень важное психологическое различие, и в этом смысле советская система построена с гораздо более тонким учетом человеческой психологии, чем западная система.

Если кому-то такие рассуждения кажутся слишком умозрительными, то вот чистый эксперимент, где все проверяется. Когда начала просачиваться правда о жизни советского общества, что вызвало наибол-

шую ненависть: сведения о бесцельно, преступно растраченных триллионах на военные расходы и стройки или о миллиардах, потраченных на дома, больницы и санатории для высшего руководства, «слуг народа»? Только это последнее — как и всегда в человеческой истории — стало семенами, из которых выросли «гроздья гнева»...

Двойная кража

Высшее руководство предвидело это всегда. И это было одним из решающих факторов развития нашего общества.

С первых дней революции шли два процесса: резкая дифференциация жизни верхов и низов — и огромные усилия, чтобы скрыть это. Члены ЦК большевиков, наркомы и так далее жили в Кремле или в роскошнейшем в Москве доходном доме графов Шереметьевых (улица Грановского), в огромных отдельных квартирах, «диктатор»-пролетариат жил в бараках и страшных коммунальных квартирах, где одна ванная и уборная приходились на 10—15 семей. Новые господа питались из спецраспределителей, пользовались автомобилями (вечная роскошь, недоступная обычным людям в СССР), нанимали прислугу, отдыхали в лучших санаториях, ездили за границу и так далее и тому подобное. Все это было всегда, с 20-х годов, просто очень тщательно скрывалось. Многие наблюдатели говорили о новых господах, о термидорианском перевороте (как во времена французской революции). И были глубоко не правы.

Термидорианского переворота не произошло. Собственность не стала частной собственностью отдельных руководителей. Директор завода или колхоза не является собственником и не считает себя таковым. Его собственность — его костюм, его ручка с золотым пером, его деньги и квартира, но не его завод, не его министерство. Поэтому так часто за представительский подарок (ту же авторучку, видеомагнитофон и т. д.), но подарок ему лично, руководитель советского объединения готов подписать сделку, которая принесет его объединению многомиллионный ущерб. Дело в том, что ущерб потерпит государственная фирма, которую он возглавляет, но с которой себя не отождествляет, а видеомагнитофон — его собственность, он поставит его в своей квартире, и «паркера» он положит себе в карман. В принципе та же психология у рабочего, который ворует на работе все, до чего рука дотягивается. Таких воров развелось так много, что их даже перестали называть ворами, придумали слово «несун». Верно, человек не считает, что он крадет. Он просто уносит, повинуясь инстинкту, уносит государственное, то есть ничье.

Но разница между рабочим и высшим руководителем огромная. Официальная догма ее отрицает. Согласно этой догме, собственность в стране общенародная, принадлежит всем, то есть никому. Это экономическая катастрофа, но психологически удобно, не обидно.

Однако создатель догмы, Маркс, вывел и другой закон: все государство является частной собственностью... нет, не народа в целом, а только бюрократии. Точнее, в советских условиях — высшего эшелона бюрократии, так называемой номенклатуры.

Вот это и есть главный экономический закон реального социализма. Парадоксальный и вместе с тем очень ясный и простой закон (отталкиваясь от него, югославский коммунист Милош Джилас назвал номенклатуру новым классом собственников). Великий знаток советской системы Оруэлл так объясняет его в «1984»: «Считалось, что если

класс капиталистов лишить собственности, наступит социализм; и капиталистов, несомненно, лишили собственности. У них отняли все — заводы, шахты, землю, дома, транспорт; а раз все это перестало быть частной собственностью, значит, стало общественной собственностью... Так называемая отмена частной собственности... на самом деле означала сосредоточение собственности в руках у гораздо более узкой группы (ср. число землевладельцев до революции и число председателей колхозов плюс секретарей райкомов.— *Л. Р.*) — но с той разницей, что теперь собственницей была группа, а не масса индивидуумов».

Вот этот момент — переход от индивидуальной, частной собственности к корпоративной частной собственности номенклатуры — и составлял реальную социально-экономическую сущность обобществления. Фактически это была двойная кража — новая собственность была украдена у народа, у тех, кто «грабил награбленное», но тем же самым актом эта корпоративная собственность была украдена, отчуждена и у каждого отдельного члена самой номенклатуры! Послушаем Оруэлла еще: «Индивидуально ни один член партии не владеет ничем, кроме небольшого личного имущества. Коллективно партия владеет... всем, потому что она всем управляет и распоряжается продуктами так, как считает нужным. В годы после революции она смогла занять господствующее положение почти беспрепятственно потому, что процесс шел под флагом коллективизации... Давно стало ясно, что единственная надежная основа для олигархии — коллективизм. Богатство и привилегии легче всего защитить, когда ими владеют сообща» (так что здесь «колхозы» вполне разумны и оправданы.— *Л. Р.*).

Но такое богатство, которое захвачено обманом, «под флагом коллективизации», является «теневым». В смысле отношений собственности вся советская экономика является «теневой экономикой». Выгода же от такой корпоративно-ничьей, теневой собственности только одна, психологическая,— эксплуатация также становится «ничьей», «теневой», теряет конкретный адрес, и ненависть эксплуатируемых к хозяевам резко уменьшается. Как говорил М. С. Восленский, ни один рабочий не может указать того номенклатурщика, который его эксплуатирует!

Собственность больше не кража

Сейчас в СССР идет процесс приватизации, разгосударствления собственности. Распадаются колхозы, но распадается и «большой колхоз» — корпорация номенклатуры, которая владела всей собственностью.

Приватизация собственности сталкивается вовсе не с тем, что народ в силу своей неодолимой «приверженности идеалам социализма» не приемлет частной собственности. Это миф, изобретенный штатными пропагандистами, в который уже давно не верит никто, кроме них самих. Но народ хочет сразу добиться невозможного — и частную собственность (в том числе свою лично) иметь, и все связанные с ней экономические преимущества, и вместе с тем не сталкиваться с открытой эксплуатацией в пользу конкретного хозяина. Народ настолько привык ко лжи, что предпочитает все-таки анонимную государственную эксплуатацию — не так обидно.

Этот момент зависти и обиды, эта реакция на эксплуатацию действительно есть в большой массе народа. Поэтому сегодня очень важно вести разъяснение, что разорительна и оскорбительна не эксплуатация частным лицом, а паразитическая, бессмысленная эксплуатация — неотъемлемый признак эксплуатации государственной, лицемерной экс-

плуатации, когда лично данный эксплуататор ни в чем не заинтересован. Таким образом, альтернатива лежит не между эксплуатацией и ее отсутствием — последнее невозможно; не между эксплуатацией «государственной» и «частной» — это неточное, сознательно запутывающее определение; а только между эксплуатацией частной и корпоративной, эксплуатацией со стороны частного лица или со стороны анонимной корпорации, «правящего класса», мафии, если угодно. Первая — экономически выгодна, вторая — безумна. Чем быстрее люди осознают это, чем быстрее страна перейдет к разумной, цивилизованной эксплуатации, тем скорее эксплуатируемые будут сыты.

ТЕМА С ВАРИАЦИЯМИ

Владимир Фрумкин

РАНЬШЕ МЫ БЫЛИ МАРКСИСТАМИ: ПЕСЕННЫЕ СВЯЗИ ДВУХ СОЦИАЛИЗМОВ

Разворачивайтесь в марше!

Владимир Маяковский

Немецкая нация наконец-то готова найти свой жизненный стиль. Это стиль марширующей колонны.

Альфред Розенберг

Где-то в начале 70-х, года за два до отъезда из СССР, я услышал о печальной судьбе одной кандидатской диссертации, написанной в Киеве после войны и посвященной музыке Третьего рейха. Диссертацию защитить не дали, на тему наложили табу. Автор, однако, от удара оправился, тему поменял, сделал кандидатскую, затем докторскую, дослужился до старшего научного сотрудника ленинградского НИИ театра, музыки и кинематографии.

Не хотелось мне бередить старую рану маститому коллеге, но велик был соблазн: тема эта сильно меня интересовала, а материалов почти не было. Услышав мой вопрос: не сохранилось ли чего от старой работы — плана, тезисов, библиографии? — доктор Г. как-то потускнел, отвел глаза,— дело давнее, ничего не помню, ничего не осталось. И быстро переменил тему разговора.

Дело, конечно, давнее, но испуг выглядел очень уж свежим.

Я вспомнил этот диалог и этот испуг, когда, уезжая, проходил пограничный досмотр в ленинградском аэропорту. Щуплый, полуинтеллигентного вида сержант Женя, пропалывая мою картотеку, вытащил из нее почти все, что относилось к культуре фашизма — немецкого и итальянского. На мое протестующее недоумение сержант реагировал укоряющей усмешечкой: не разыгрывайте наивность, мы-то с вами прекрасно понимаем — возможны нездоровые ассоциации и тому подобное...

Владимир Фрумкин — музыковед. Автор книг и статей о симфонизме, о взаимоотношениях поэзии и музыки, о советской песне — официальной и неподцензурной. С 1974 года живет в США; корреспондент «Голоса Америки». Статья перепечатывается из «Обозрения» (прилож. к «Русской мысли»), 1985, № 16.

Горевал я об утраченных карточках недолго. На Западе все довольно быстро возместилось и даже нашлось кое-что новое, дававшее пищу не для одних только «нездоровых ассоциаций». В музыке гитлеровской Германии и сталинской России, помимо сходных тенденций (тотальная национализация «музыкального хозяйства», декретирование «доступности», «народности» и «реализма», враждебность к высокой духовности, к поискам нового, наступление на джаз, превращение марша в ведущий ритм массовой культуры), были, оказывается, и заимствования. Посредствующим звеном служили немецкие коммунисты. Заимствования шли, большей частью, в одном направлении: слева направо. Стремительно росший идеологический младенец — национал-социализм — нуждался в усиленном питании. Необходимо было, в частности, срочно создать свою литургию — партийные псалмы, хоралы и гимны, несущие в массы новую веру. Удивительно ли, что в дело пошли и некоторые блюда, изготовленные поварами старшего по возрасту ленинского социализма?

...СЕГОДНЯ — НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТЫ

Если бы Ленин, перед тем как покинуть этот мир, побывал в Германии, он услышал бы, как его любимую «Смело, товарищи, в ногу» распевают начинающие штурмовики. Звучала у них эта песня живее, чем в России или у немецких коммунистов — «im flotten Marschenrhythmus»[1]. Но мелодия узнавалось легко. Как он обрадовался ей тогда в Шушенском, летом 1898-го, когда Фридрих Ленгник, прибывший в ссылку, чуть не с порога выложил свой сюрприз — новую песню, долгожданную: первый русский (оригинальный, не переведенный) боевой гимн, звонкий, мажорный, без тени размагничивающего слюнтяйства и уныния народнического репертуара. Вышел он таким не по наитию, не из чистого вдохновения: его автор, Леонид Радин (1860—1900) — ученый-химик, поэт, эссеист и революционер — хорошо знал, какие песни нужны зреющей русской революции: «Надо, чтоб песня отвагой гремела, / В сердце будила спасительный гнев». Вскоре после этих стихов и сложил Радин свою песню — в одиночной камере Таганской тюрьмы:

Дружно, товарищи, в ногу!
Духом окрепнув в борьбе[2],
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.
Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой.
Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.
Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей.

Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей!
Все, чем держатся их троны,
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.
С верой святой в наше дело,
Дружно сомкнувши ряды,
В битву мы выступим смело
С игом проклятой нужды.
Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

Сам подобрал и мотив — из студенческой песни на слова И. С. Никитина, сделав из неспешного старинного вальса волевой и упругий

[1] В бойком (бесшабашном) ритме марша.
[2] Первоначальный вариант. Впоследствии пелось: «Смело, товарищи, в ногу, / Духом окрепнем в борьбе».

марш. В общей камере Бутырок, перед отправкой в ссылку, он поделился новинкой с товарищами по партии. И песня пошла, быстро вырвалась в первый ряд русских марксистских гимнов. Взяла она оптимизмом, безоглядностью веры в победу. Ильич «никогда не уставал упиваться ее бодрящими звуками»[1]. Души не чаял в радинском марше и ученик Ильича — Иосиф Джугашвили. «А еще была самая его любимая «Смело, товарищи, в ногу». Сам и запевал»,— вспоминал крестьянин села Курейки[2].

С 1905 года «Боевой марш» Радина — название, принятое в партийной печати,— становится «самой популярной песней массовых рабочих демонстраций... Еще более мощно зазвучал... боевой марш после Февральской революции 1917 года и, в особенности, после Великой Октябрьской социалистической революции. В то время его пела во время уличных шествий вся страна... С первого дня гражданской войны «Смело, товарищи, в ногу» становится самым популярным боевым маршем Красной Армии»[3].

В это время и появилась немецкая версия песни. Сочинил ее видный дирижер Герман Шерхен. Первая мировая война застала его в Риге, он был интернирован русскими властями и стал невольным, а потом — сочувствующим свидетелем Февраля и Октября. Вдохновенные гимны революции и были для него, возможно, одним из главных аргументов в ее пользу. Две песни —«Вы жертвою пали» и «Смело, товарищи, в ногу» — дирижер повез к себе на родину для немецкого пролетариата и включил в 1920 году в репертуар обоих рабочих хоров, организованных им в Берлине. Похоронный марш получил у Шерхена название «Бессмертная жертва», а марш Радина — «Братья, к солнцу, к свободе»:

Братья, к солнцу, к свободе!
Братья, к свету, вверх!
Ярко из темного прошлого
Сияет для нас будущее.
Смотрите, как шествие миллионов
Нескончаемо льется из тьмы,

Пока ваше страстное стремление
Не затопит небо и землю.
Братья, соедините руки!
Братья, смейтесь над смертью!
Навсегда покончим с рабством!
Последняя битва — священна![4]

В начале 20-х русский коммунистический гимн был подхвачен штурмовиками. Молодцы в коричневых рубашках самозабвенно выводили ротфронтовскую песню. Им нравилась эта риторика, сотканная из красивых и высоких неопределенностей, лапидарная черно-белая образность: Темное Прошлое — Светлое Будущее, Рабство — Свобода, Земля — Небо, Жажда Битвы — Презрение к Смерти. Нравилось называть друг друга «братья» и «товарищи» и ощущать себя частичкой крепко сплоченной миллионной массы, идущей в последний решительный бой.

По тем же фразеологическим рецептам изготовлена и добавленная вскоре новая 4-я строфа:

Свергните гнет тиранов,
Бесконечно пытавших вас.

[1] П. Н. Лепешинский. Старые песни революции // Огонек. 1927. № 32. Цит. по: Биографии песен. С. 81.

[2] Правда. 1939. № 348. Цит. по: В. Куриленков. Большевистские традиции революционной поэзии // В сб. Революционная поэзия (1890—1917). 1950. С. 19.

[3] Е. Гиппиус, П. Ширяева. Смело, товарищи, в ногу // Биографии песен. С. 86, 78—79, 87.

[4] Не исключено, что образ «последней битвы», отсутствующий в русском оригинале, попал в сознание Шерхена из припева «Интернационала».

Размахивайте знаменем со свастикой
Над страной рабочих.

Несмотря на появление чуждой детали — черной свастики на знамени (цвет которого, однако, оставался красным), эти новые строки даже ближе радинскому стиху, чем весьма своевольный перевод Шерхена: они (намеренно? случайно?) почти дословно воспроизводят последнюю строфу русского оригинала.

Как именно мигрировали песни из одного идеологического лагеря в другой (процесс этот шел до 1933 года), рассказывает композитор-нацист Ганс Байер:

«Стычка в пивной или драка на улице между СА (штурмовые отряды.— **Ред.**) и марксистами, на стороне которых часто был численный перевес, нередко кончалась тем, что на следующий день к штурмфюреру являлось множество избитых марксистов с просьбой о вступлении в его отряд. Сначала их притягивало уважение к людям, которые были храбрее и лучше умели драться. Однако вскоре идеи национал-социализма вдохновляли их так же, как остальных товарищей из Штурма. Хорст Вессель умел мастерски перетягивать лучших парней из марксистских формирований в свой отряд, назло их прежним товарищам по партии. Ясно, что эти люди принесли с собой песни, возникшие в лагере красных. Но после нескольких поправок в тексте их пели и в СА. Песня «Братья, к солнцу, к свободе!» укоренилась в СА без каких бы то ни было текстовых изменений. Ее мелодия происходит из «Марша русских красногвардейцев»[1].

Начиная с 1927 года, песенный репертуар СА пополняется тремя новыми вариациями на тему радинского гимна. Вот первая из них:

Братья в рудниках,
Братья за плугом,
Из фабрик и жилищ,
Следуйте за нашим знаменем!
Гитлер — наш вождь,
Его не купить золотом,
Катящимся с еврейских тронов
К его ногам.
Час расплаты придет,
Однажды мы будем свободны:
Трудящаяся Германия,
Разбей свои оковы!
Мы Гитлеру преданны верно,
До смерти верны мы ему!
Когда-нибудь выведет он
Нас из этой нужды.

ИНТОНАЦИОННО И РИТМИЧЕСКИ ОБЕ ТОТАЛИТАРНЫЕ ИДЕОЛОГИИ НЕРАЗЛИЧИМЫ, КАК ОДНОЯЙЦЕВЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

И пусть знамена реют,
Чтобы видели наши враги,
Мы будем непобедимы,
Пока едины мы.

[1] Цит. по статье Й. Шкворецкого «Жгучая тема» // Континент. № 33. С. 252.

Здесь картина гораздо яснее, чем в первой нацистской версии (перевод Шерхена с новой 4-й строфой). Сквозь фразеологический туман проступают приметы иной идеологии, прорезается ее главный родовой признак — расизм. И, чтобы еще резче отмежеваться от красных, в шестом, завершающем куплете коричневые — с великолепной непосредственностью — выпаливают:

Раньше мы были марксисты,
Ротфронт и социал-демократы,
Сегодня — национал-социалисты,
Бойцы НСДАП!

Концовка песни должна была, по-видимому, звучать нравоучительно: вот, дескать, мы обратились в новую веру — и вполне довольны; дуйте, ребята, за нами, перековывайтесь, пока не поздно! Уловление душ, пополнение личного состава было главной заботой и у коммунистов. Обе партии, в сущности, не столько враждовали, сколько соперничали. Враг же у них был общий — демократия, хилая Веймарская республика. И панацея от бед народу предлагалась одинаковая — однопартийная диктатура. Одинаковыми поэтому были и аргументация, и тип риторики: братья и товарищи, рабочие и крестьяне, стройтесь в колонны! вперед, на священную битву ради сияющего впереди будущего; свергните гнет буржуазного государства, государства богачей и тиранов; разорвите цепи, разбейте оковы, выше вздымайте кроваво-красное знамя, боритесь за свободу и право; мы выведем Германию из нужды, кончится рабство, сгинет террор.

Разница была в именах, терминах, цветовых деталях. Вот, например, как выглядело песенное состязание немецких коммунистов и нацистов на тему о ненавистной демократии и развязанном ею «терроре».

Нацисты:

Мы живем в свободном государстве,
Но свободы ни следа.
Вместо нее царит в нашей стране
Террор красной диктатуры.

Коммунисты:

Мы живем в «свободном» государстве,
Но свободы ни следа.
Вместо нее царит в нашей стране
Белый ужас, ужас — террор!

МАРШ, МАРШ ВПЕРЕД...

Но вернемся к судьбе радинского марша в Германии. Вот еще две нацистских версии:

БРАТЬЯ, СТРОЙТЕСЬ В КОЛОННЫ

Братья, стройтесь в колонны!
Слушайте тысячеголосый крик:
Германия, моя Германия, мы идем,
Германия, мы боремся за твою свободу!

Слышите, как мертвые вопиют:
Трудящаяся Германия в нужде,
В бою разверните наши знамена,
Красные, как кровь, и черные, как смерть.
Братья, мы завершаем дело.
Освободитесь от оков!
Германия! Великая Германия, мы идем,
Мы творим тебя единой и великой!

*

ГОРДО ЛЕТЯТ ЗНАМЕНА

Гордо летят знамена
И развеваются флаги,
Когда мы, верные предкам,
Смело идем на бой.
Война всему обыденному,
Война за свободу и право,
За свободный от фальшивого блеска
Немецкий род.
Свастика на флажках
Летит высоко впереди!
Болваны Москвы и еврейства
Начинают дрожать.
Пусть проклинают нас они
Или смеются над нами.
Когда-то Германия была в пламени —
Теперь мы идем к победе.
Пусть они убивают и жгут,
Подобно нелюдям.
Выше знамена! Мы пробиваем путь
Третьему рейху.
Пусть они поступают также и впредь,
Но скоро придет наш день.
И тогда проснется Германия
И падет красный позор!
СА в коричневой форме,
Готовые всегда и везде;
Мы клянемся нашему знамени,
Клянемся Германии.
Пусть звучит «Хайль Гитлер!»
Далеко, далеко в полях.
И даже когда мы падем,
Мы будем верны нашей клятве.
Кровь течет не напрасно!
Мы путь пробиваем себе!
И мертвые возвестят Германии
Свободную, вольную жизнь!

Если в первой версии только два «опознавательных знака» — черные фрагменты на красных знаменах и «Великая Германия», то во второй их гораздо больше. Здесь и «немецкий род», и свастика, и «болваны Москвы и еврейства», и Третий рейх, и «красный позор», и «СА в коричневой форме», и наконец — «Хайль Гитлер». Но приемы ритори-

ки, стиль речи — те же, что и в русском оригинале и его коммунистической немецкой вариации. И вот что существенно: во всех интерпретациях остается неизменным нечто такое, что действует **помимо слов, апеллируя к подсознанию поющих и слушающих**. Остается **эмоционально-волевой подтекст**, излучаемый интонацией, тоном песни, ее **мелодией**, а она — едина во всех вариантах. Вот несколько ее типичных характеристик — из тех, что даются гимну Радина марксистскими авторами: «могучий мотив»[1], «смелый, бодрый революционный марш»[2], «от мелодии радинского гимна исходит могучая сила, она насквозь мажорна и словно пронизана ослепительным светом»[3].

Среди этих определений нет ни одного, которое не подходило бы в самый раз и немецко-фашистским оборотням марша Радина. «Могучий», «смелый», «бодрый», «могучая сила», «энергичный», «решительный призыв», «устремление вперед», «героическое действие» — это был тон, манера, способ изъясняться, которым утверждали себя, пробивались в души миллионов обе тоталитарные идеологии. Интонационно и ритмически они неразличимы как однояйцевые близнецы. Господствующий ритм, под который росли и крепли оба режима, ритм героического марша. Обе страны в 30-е годы были охвачены настоящей маршевой эпидемией. Марш, становящийся (в относительно мирное время) ритмическим наваждением целой нации — верный признак серьезного социального заболевания.

Советская «Музыкальная энциклопедия» весьма тяжеловесно определяет марш как «музыкальный жанр, сложившийся в инструментальной музыке в связи с задачей синхронизации движения большого числа людей (движение войск в строю, праздничные и церемониальные шествия)...» Между тем, политическая песня-марш синхронизирует не столько движение, сколько психику толп и наций. Она призвана «объединить сознание, волю и чувства масс в действии»[4], заразить «их одинаковым настроением или порывом к действию, сплотить их и повести за собой»[5].

Не странно ли: советская Россия стала крупнейшим мировым экспортером политического марша, не имея за плечами национальной маршевой традиции. Дореволюционная Россия безнадежно отставала по этой части от Европы. Маршевые песни и гимны — символы революционных и национально-освободительных движений — уже давно пелись французами, испанцами, венграми, немцами, поляками, чехами, а в России все еще относились к маршу настороженно. Русские композиторы нередко прибегали к его ритму, чтобы передать силу чужую, «нерусскую», враждебную. («Марш Черномора» в опере Глинки «Руслан и Людмила», «Половецкий марш» в «Князе Игоре» Бородина, марш «петровцев» в «Хованщине» Мусоргского, у Чайковского: обработка «Марсельезы» в увертюре «1812 год», механический зловещий марш в скерцо Шестой симфонии, сцена казни Жанны д'Арк в «Орлеанской деве». Традиция сохранилась вплоть до Шостаковича: достаточно вспомнить маршевые эпизоды Пятой, Седьмой, Восьмой симфоний — гротескные до жути пародии на маршевую культуру германского и советского тоталитаризмов.)

---

[1] Ежемесячник «Красное знамя», Союз русских социал-демократов, Женева. № 3. 1903. Цит. по: Биографии песен. С. 82.

[2] В. Бонч-Бруевич. Смело, товарищи, в ногу // Советская музыка. 1955. № 12.

[3] М. С. Друскин. Русская революционная песня. Л., 1959. С. 19.

[4] Интернациональные традиции в русской революционной песне // М. С. Друскин. Исследования. Воспоминания. Л., 1977. С. 79.

[5] А. Сохор. Русская советская песня. С. 15.

В высшей степени показательна история создания обоих мелодических прообразов марша Леонида Радина — студенческой «Медленно движется время» и каторжной «Славное море, священный Байкал». Их тексты, вначале опубликованные как стихотворения (в 1858 году в Петербурге), были распеты через несколько лет, около середины 60-х. Источником мелодий послужил припев популярной польской повстанческой песни «За Неман», шедшей в ритме марша[1]. Но польский мотив распели с русскими стихами — по-русски, широко и свободно, сломав железный костяк марша, чуждого русскому уху и сердцу. Через тридцать с лишним лет Радин, сочиняя свою песню, невольно реставрировал первоначальный ритм, вернув мелодии ее исконный чеканный шаг. К этому времени маршевая песня в субкультуре русских революционеров-подпольщиков уже превратилась в один из самых почитаемых жанров. В непостижимо короткий срок — через каких-нибудь 30 лет после того, как Радин (в 1897 году) создал первый русский оригинальный «боевой марш»,— Россия стала лидирующей маршевой державой мира. На юго-запад от нее звенели марши фашистской Италии, в Германии печатали шаг, стараясь перепеть друг друга, коммунисты и национал-социалисты. Последние торопятся разработать социально-психологическую теорию марша. Некий Dr. St. написал статью «Завтра мы будем маршировать», которую в журнале «Советская музыка» (№ 10, 1934) комментировал Б. Михайловский (тогда у нас — благодаря успешно работающему механизму двоемыслия — еще не опасались нездоровых ассоциаций, хотя о значении марша и маршевой песни писалось примерно то же):

«С точки зрения фашистско-милитаристских запросов автор подходит к критике фокстрота, джазбанда, с его, так сказать, "штатскими" ритмами... Автор особенно ценит марш за его властное действие на наше бессознательное начало— даже у самых немузыкальных людей. Ничто не передается с такой **«внушающей принудительностью»**, как переживание общего, "коллективное переживание массы". Поэтому марш может помочь **«музыкально управлять»** большими массами. В этом заключается первичное назначение марша» Автор желает широкого внедрения марша в современный быт».

То, чего желал доктор St., наступило очень быстро: с 1933 года внедрением марша в Германии занялось государство — по примеру Италии и СССР. Этим трем странам и суждено было выработать международный интонационный стиль тоталитаризма, подобно тому, как ими же был создан единый художественный язык — тоталитарный стиль изобразительного искусства[2]. «Голоса» коммунизма, фашизма и национал-социализма звучали почти неотличимо, и не только в сфере массовой музыки, но и в области официальной и художественной речи: с трибун митингов и собраний, из радио, со сцены, с киноэкранов во всех трех странах неслись интонации, налитые горделивым сознанием силы и величия, исполненные мессианской проповеднической страсти.

Единство интонационной манеры, вдобавок к однотипности словесной риторики, облегчало обмен песнями. Причудливый зигзаг прочертила песня «Auf, auf zum Kampf», популярная (с 1914 года) в кайзеровской армии. Ее первая строфа заканчивалась так:

---

[1] Биографии песен. С. 86.

[2] См. об этом: И. Голомшток. Язык искусства при тоталитаризме // Континент. № 7, С. 335.

Кайзеру Вильгельму дали мы присягу,
Кайзеру Вильгельму мы руку подаем
(имелась в виду рука помощи).

С 1920 года бравая песня зазвучала в стане коммунистов («Карлу Либкнехту дали мы присягу, / Розе Люксембург мы руку подаем»), а вскоре — и у штурмовиков («Адольфу Гитлеру дали мы присягу...» и т. д.).

Еще более извилистый путь прошла другая солдатская песня времен первой мировой войны — о гибели юного трубача-гусара. Коммунисты переделали ее в 1925 году, после того как на предвыборном митинге Эрнста Тельмана случайная полицейская пуля сразила маленького горниста Фрица Вайнека:

Из всех наших товарищей
Никто не был так мил и добр,
Как наш маленький трубач,
Наш веселый красногвардеец.

После убийства коммунистами в феврале 1930 года штурмфюрера Хорста Весселя возник нацистский вариант:

Из всех наших товарищей
Никто не был так мил и так добр,
Как наш штурмфюрер Вессель,
Наш веселый свастиконосец.

В это же время советские пионеры запели русскую версию (вольный перевод М. Светлова, музыкальная обработка А. Давиденко), где маленький трубач превратился в маленького барабанщика («Мы шли под грохот канонады, / Мы смерти смотрели в лицо»). Несколько лет этот лирико-героический марш широко пелся в обеих странах во всех трех версиях. В 1933 году замолчал немецко-коммунистический вариант, в мае 1945-го — национал-социалистический.

Общей нацистско-коммунистической песней оказался на некоторое время и священный для марксистов «Интернационал». В начале 30-х берлинские штурмовики часто выходили на улицы города с пением... «Гитлернационала».

Еще одна перелетная птичка: тирольская патриотическая песня 1844 года «Zu Mantua in Banden». Нацисты пели ее в оригинале, немецкие коммунисты — в своем варианте («Dem Morgenrot entgegen»), а советские люди — в том же варианте, переведенном А. Безыменским: «Вперед, заре навстречу» («Молодая гвардия», 1922).

Попадали ли в фашистский репертуар русские песни, созданные в советское время?

Окончание в следующем номере.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: **6.** Папанин. **9.** Валуй. **10.** Бочаг. **11.** Дилемма. **12.** Дебит. **14.** Ришар. **15.** Квадриллион. **20.** Пинкертон. **21.** Монополия. **22.** Горелов. **23.** Лендлер. **26.** «Подросток». **27.** Шредингер. **30.** Диапроектор. **33.** Толай. **34.** Нукус. **35.** Антоним. **36.** Ремиз. **37.** Борат. **38.** Антонов.

По вертикали: **1.** Палиндром. **2.** Каверин. **3.** «Пигмалион». **4.** Балет. **5.** Сурик. **7.** Шорин. **8.** «Набат». **13.** Твардовский. **14.** Рододендрон. **16.** Пирогов. **17.** Экседра. **18.** Мордент. **19.** Нимейер. **24.** Компонент. **25.** Фрюктидор. **28.** Колофон. **29.** «Гонец». **30.** Дарик. **31.** Ругон. **32.** Курак.

Владимир Война

СТРАНА НАОБОРОТ

Интересно, насколько по-разному действуют наши пограничники в аэропорту «Шереметьево», на «выпуске» из страны, и сотрудники службы иммиграции и натурализации США, при «впуске» в свою страну. Наш смотрит недоверчиво и строго (мы же — потенциальные государственные преступники, ведь обязательно с кем-то что-то не то), переводя взгляд с тебя на фотографию в паспорте, потом снова на тебя... Сличает! Может, и в самом деле ты в чем-то виноват?

Не так вел себя первый встреченный мной американец, представлявший свое правительство, «дядю Сэма», как говорят в США. Он встретил меня лучезарной улыбкой! Наверняка и он внимателен при знакомстве с паспортом, но ведь вида не показывает... Спросил:

— В Гарвард направляетесь, сэр? Студент?

(Ну, какой уж я там студент, старый я!)

— Так вы прибыли как «визитинг сколар»? Вы ученый? Нет? Журналист? О, поздравляю!!!

И он крепко пожал мне руку, продолжая источать дружелюбие и приветливость.

Он разрушил первый стереотип: я-то всегда представлял «дядю Сэма» скорее так, как его рисовали наши карикатуристы: препротивным и старым козлоногим и козлобородым субъектом, с флагом на жилетке. А этот был смуглым молодым латиноамериканцем! Здравствуй, Америка, я целую жизнь ждал этой встречи с тобой.

ЭФФЕКТ ЗЕРКАЛА

Почему в зеркале левая сторона оказывается справа — и наоборот? Я толком и сейчас не могу этого понять.

В Америке я себя тут же ощутил жертвой зеркального эффекта: за что ни возьмусь — надо делать все наоборот. Все доведенные до автоматизма привычки нужно менять!

Крутишь кран, а вода не течет. Оказывается надо крутить в обратную сторону. Хочешь включить холодную воду — течет горячая. Оказывается, холодная справа и наоборот.

Хочешь сесть в автобус и видишь удивленные взгляды. Оказывается, пройти надо через переднюю дверь, опустить в кассу, на виду у водителя, монетки или показать ему проездной билет. А выходишь — через заднюю. Разве лучше не так?

Из Америки в Москву можно позвонить по коду, без телефонистов. Из Москвы — никакой автоматики, только через телефонистов. Никаких «предварительных заказов» из Нового Света не принимают, требуется набирать код до тех пор, пока не освободится линия; из Москвы надо заказывать за трое или четверо суток! Причем к самим телефонисткам не пробиться, целыми сутками, даже в четыре утра — занято. Здесь их благодаришь, просишь, там — если, к примеру, вызываешь Киев, куда нет кода — благодарят тебя.

Пошел проявлять и печатать фотографии, протянул пленки и день-

ги. Нет, извините, сперва ваш заказ будет выполнен, а потом расплатитесь.

Пошел на рынок выбирать фрукты и овощи. Магазинные — красивые очень, но яблоки безвкусные, а на рынке необыкновенный выбор, все свежайшее, красота вообще неописуемая, куда там твой магазин, и соответственно вкус. Обнаруживаю: цены в полтора-два раза ниже! А, ну да, ведь фермер здесь сам продает, без посредничающей системы торговли, значит, нет больших накладных расходов... Почему у нас наоборот?

Мне позвонили, спросили, хочу ли я подписаться на городскую газету «Бостон глоуб». Да, хочу. На следующее утро принесли свежий номер, хотя была середина месяца. Потом доставили счет — за столько номеров, сколько я прочитал, а не наоборот. Накануне отъезда я по телефону отказался от подписки — и никаких заполнений квитанций, с индексами, в очереди, в ноябре с января...

В Америке не знают, что такое телеграммы, ведь есть телефаксы, телефоны — и службы «Федерал экспресс», которая доставляет пакет с документами, срочными посланиями за считанные часы; на следующий день его уже кто-то получит, причем к тебе за ним на дом приезжает курьер, а другой курьер, на месте, за тридевять земель, хоть в Австралии, лично вручает пакет адресату. Нет и почтовых или телеграфных переводов, ты просто вкладываешь в конверт чек, не боясь, что его украдут, бросаешь в ящик, и через пару дней его получат на другом конце страны; лишние деньги за эту «услугу» платить незачем.

Деньги в кармане никто не носит, ведь можно даже посреди ночи получить сколько надо через электронного кассира, да и в магазине расплатиться с помощью кредитной карточки, и в ресторане...

Мало того, что в Америке текущая из крана вода вкусная, еще продают и родниковую в пластиковых пакетах, холодненькую: тут уж дважды наоборот!

Семипудовые двери в наших магазинах, на станциях метро ударом вслед по спине могут пребольно стукнуть или даже сбить с ног ребенка или старика, да и открыть ее не всякому под силу. Мало того, что «ихние» двери открываются нажатием пальчика (а часто — сами, с помощью фотоэлемента), они еще и закрываются деликатно, медленно-медленно-медленно.

Сотня, кажется, миллионов легковых машин бегает по дорогам Америки, а дорожных происшествий, убийств много меньше, чем у нас. Страшно даже подумать, сколько людей гибло бы у нас при таком количестве машин! Причем ни разу, клянусь, ну ни одного раза те, в которых я путешествовал (а это — тысячи миль), не останавливали для проверки полицейские и дорожные патрули. Да что же это, думал я, неужто им поборы с водителей не нужны?

И скоро я понял, как буду рассказывать об Америке дома. Хотите представить себе эту страну, себя — в ней? Задумайтесь о чем-то нашем, родном, а потом переставьте все наоборот, как в зеркале. Не ошибетесь!

С КЕМ СОСТЯЗАЛАСЬ ЛЮДОЕДКА ЭЛЛОЧКА

Такую же операцию перестановки «слева направо» приходится делать в Америке и с устоявшимися понятиями о классах, структурах власти, целях общественного развития...

Мы дóма все начинаем по-разному, вступаем в жизнь при неодинаковых позициях, зато заканчиваем ее одинаково, с той же хилой пенсией, максимум — 120 рублей. Зачем стараться, «выкладываться», если конец один? Эту-то все равно получишь...

Американское общество поступает наоборот. Оно прилагает все усилия, чтобы люди начинали жизнь одинаково, без существенных преимуществ у одних и сильных «минусов» у других, но заканчивали ее непременно по-разному, в зависимости от того, какие усилия ты приложил. Вот тогда будешь стараться!

Мы вообще не знаем «золотой середины», а средний класс — понятие почти отсутствующее. Все почти что бедные — и лишь чуть-чуть богатых. В Америке — наоборот, почти все принадлежат к «золотой середине», к среднему классу, и есть немного бедных, немного богатых. То есть, с нашей точки зрения, очень-очень богатых, потому что просто богатые — это и есть средний класс, нормальные труженики.

Наше государство дарует свободы гражданам. Сколько захочет, столько и подарит. Там — суверенитет личности, человек и есть носитель свободы, дарованной ему от Бога, он и делится с ней — при желании — с государством. Сколько захочет.

Наш Президент наставляет народных депутатов, якобы — носителей высшей власти. Их конгресс наставляет президента...

Экономика, быт? У нас человек чего-то хочет, все время думает об этом, но э т о г о — нет. В лучшем случае есть что-то другое, что тебе не нужно. Там — еще не успеешь подумать, чего тебе хочется, а о н о уже есть, его несут, предлагают, уговаривают, звонят по телефону, невесть откуда взяв твой номер...

Я-то думал, это страна, утонувшая в промышленных отходах, в отравленных сточных водах, с желтым дымом над поверхностью, вечным смогом над городами, ядовитыми испарениями от автомобилей, дымом нескончаемых труб. Ведь по статистике половина промышленной продукции мира изготовляется в США — и ровно столько же, половина отходов, приходятся на Соединенные Штаты.

Но где они, эти отравляющие вещества? Да один наш «Икарус» — это Освенцим на колесах, убивающий газами, черным шлейфом всех своих пассажиров плюс прохожих на сто метров окрест; их же машины проносятся мимо тебя тысячами — и прозрачнейший воздух, полное отсутствие убийственных запахов... В Лос-Анджелесе я не обнаружил никакого смога, подобного скажем, московскому. На что жалуются американцы? Нарочно, что ли, прячут свои трубы?

Есть, конечно, и скопления промышленности, а телевизор иногда рассказывает о выброшенной на берег рыбе, показывает драматические кадры. Но чтобы все это увидеть самому, надо куда-то специально ехать. А в обычной жизни — идиллия!

Вся группа штатов Новой Англии, лежащих вдоль побережья Атлантики, мне теперь знакома более всего, я их пересек вдоль и поперек, дважды добирался даже в Канаду. Это нескончаемый рай на земле — леса, парки, озера, особенно осенней порой, когда буйство красок там такое, что многие приезжают специально посмотреть на это чудо. Когда же попадаются скопления жилищ, то даже не знаешь, в каком бы доме тебе захотелось жить, какой лучше. Все разные, все «лучше»! Пока «не сезон», почти перед каждым либо моторная, либо парусная яхта, потом их спускают на воду, чтобы путешествовать по изрезанному бухточками романтическому побережью, забираясь на необитаемые островки... Сады, лужайки, цветы перед каждым жилищем, все — беленькое, блестит свежей краской, предпочтительно в стиле XVIII века, а многие дома — просто из прошлого, капитанов дальнего плавания, ходивших под парусами, «морских волков», но — с последними достиже-

ниями комфорта внутри. На тысячу миль даже одной покосившейся халупы не встретишь, хотя бы одного неаккуратного, некрасивого предмета, колдобин или лепех от коров на дороге, готового упасть дерева или изгороди, нет, впечатление такое, что все это создано каким-то гениальным художником-декоратором, чтобы ублажить самый прихотливый вкус, возвысить твою душу от созерцания прекрасного.

А где же сельское хозяйство, то самое, что кормит весь мир? Далече — в тех аграрных штатах, что специализируются — каждый — на каком-то особом продукте, культуре, добиваясь фантастических результатов. А фермеры Новой Англии, учитывая высокие цены на землю, продавали свои угодья горожанам, разбив на солидные участки, под эти капитальные дома для среднего класса (более половины семей в Америке владеют собственными домами, это и есть — «американская мечта»), который и ездит отсюда машинами до места работы. Впрочем, отнюдь не все фермеры уехали, но попробуй отличи их буколические жилища от этих нарядных, выстроенных в том же «сельском» стиле вилл!

Но неужели это и есть средний класс, «простолюдины», так сказать, неужели именно он обитает в этом раю? Все как-то не укладывается в голове...

Отнюдь нет, бывают и дома-громадины, окруженные собственными парками. Мой друг сказал мне: «Разве это справедливо, что хозяйка этого имения бывает здесь в лучшем случае месяц в году?» Он знал эту престарелую даму, наследницу миллионов... «И зачем ей столько комнат?» Дом, выходивший фасадом к океану, скалам, был хорош.

Но есть разница с нашими владыками мира: в Америке не отгораживаются от всех высокими грязно-зелеными заборами, не вывешивают «кирпич» перед дорогой к имению (одному из поместий великих князей, царевых родственников), нет и спецохраны, с рациями, в кустах, на каждые сто метров... Те дома доступны обозрению хотя бы.

И все-таки наше представление о сверхбогатстве сложилось под влиянием стереотипов рубежа века, когда в Америке строились настоящие дворцы для финансовой знати.

В штате Северная Каролина я видел такой дворец, выстроенный в стиле европейского замка семейством Вандербильд. Было интересно, я все время вспоминал Эллочку Щукину, героиню Ильфа и Петрова, покрасившую выхухоль, чтобы затмить «саму» госпожу Вандербильд. Но вся штука в том, что сегодня этот замок, достойный королей, м у з е й, где воссоздан в малейших деталях быт хозяев, вплоть до подлинных ящиков, коробок, банок с продуктами в неисчерпаемых кладовых, и он доступен для осмотра каждому. При нынешних-то налогах — кому по карману содержать такое?! Нынче такие сумасбродства не в моде, сверхбогачи ведут себя скромнее и умнее, они даже нередко собрания шедевров живописи предпочитают отдать или завещать музею, потому что налог на наследство может заставить наследников пустить с молотка половину коллекции, чтобы кое-как выкупить другую, и она окажется разрозненной... Уж лучше по-доброму отдать, списав с доходов стоимость дара...

Наши же обитатели княжеских имений и копейки за них не платят, для этого есть «управление делами», содержащее целый штат челяди — и все за наш с вами счет. Где честнее?

Или Илья Глазунов, выстроивший свой дворец рядом с Москварекой, с Жуковкой, где простому смертному делать нечего, забравший все окна нижнего этажа тюремной решеткой, чтобы, полагаю, не унесли его шедевры... Во сколько миллионов обошелся его замок, придворного

живописца эпохи развитого социализма? Он, конечно, платил за него «своими», но ведь покупали его творения не мы с вами, по-честному, в зависимости от сложившегося соотношения цен на свободном рынке, нет, платило-то ему государство, минкульты всякие, берущие средства из бюджета. Значит, из нашего с вами кармана? Так где же честнее?

ДОМ ДЛЯ...

Мой товарищ по студенческой скамье и коллега однажды начал свою корреспонденцию из Америки так: «Миллионер? Подумаешь, кого сейчас удивишь миллионами, в Америке пруд пруди миллионеров...» Цитирую я сейчас, конечно, по памяти. Но ведь дело кончилось плохо, вызвал моего друга Центральный Комитет — и такой разнос ему учинил на специальном совещании партийных журналистов-пропагандистов! И лишился он на много лет возможности писать из этой страны. А ведь там действительно «миллионы миллионеров», это факт.

Но одно дело — знать, другое — увидеть.

Много раз читал я о Беверли-Хиллз, калифорнийских холмах, где живут кинозвезды, магнаты Голливуда и не только. Это в Лос-Анджелесе, мировом центре развлечений и киноиндустрии. Жить там — венец мечты для людей не только очень богатых, но и очень тщеславных.

Заочное представление: ну, участок в энное число квадратных миль, сотня-две вилл, утопающих в южной зелени... Если бы!

Оказалось, огромный район, целый город, за час не объедешь машиной его основные улицы. Сколько же там, в Америке, кинозвезд, выдающихся спортсменов, телеведущих, кинопродюсеров, заключающих миллионные контракты, которые позволяют себе роскошь жить здесь, снесить одну шикарную виллу, чтобы построить другую, уже по собственному вкусу?

Но тут-то, по-моему, справедливо: если ты — гордость нации, если тебе рукоплещут миллионы людей во всем мире, да каждый скинется хотя бы по рублику, то есть по доллару, покупая билет, вот тебе и дом на Беверли-Хиллз! А вот почему Владимир Молчанов, Гарри Каспаров, Михаил Жванецкий, другие наши любимцы не могут жить хотя бы так, как живут наши плутократы-партократы, это для меня загадка. Почему «хотя бы»? Да потому, что американский, скажем, президент получает неизмеримо меньше того телеведущего, что не уступает в популярности нашей Танечке Митковой, будь у него хоть самая черная на свете кожа, это не помеха.

Меня не так поразило богатство на Беверли-Хиллз, где дома — «человеческих» размеров, да и участки тоже, как увиденное когда-то в детстве имение близ Киева, по территории которого извивался излучинами Днепр, водились дикие олени и прочие звери, одни фруктовые сады простирались до горизонта... Перед войной там размещался историко-культурный заповедник, гордость украинской нации, а после войны эти дали необъятные облюбовала четверка начальников — первый и второй секретари ЦК, предсовмина и председатель Верховного Совета УССР. Вандербильдам такое и не снилось!

И уж если на то пошло, Беверли-Хиллз — это огромный архитектурный музей под открытым небом, где лучшие зодчие показали, на что они способны по части эффектных современных построек, садово-парковой архитектуры: такое разнообразие объемов, линий и форм, материалов, игры с растениями, цветами, безграничной выдумки, вкуса! Ради одного этого стоило сюда приехать, насладиться искусством и кра-

сотой. Что нашим большим начальникам и вовсе не присуще: их вкус обратно пропорционален финансовым возможностям, увы, что, в свою очередь, отражается на облике всей нашей многострадальной земли.

Но видел я и районы трущоб: Бауэри и Гарлем в Нью-Йорке, Скид-Роу в том же Лос-Анджелесе... Тут картина была привычная; у нас кругом, по американским понятиям, трущобы, у них же это маленькие островки бедности на карте богатой страны.

БОМЖ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Откуда же берутся бедняки, нищие, бездомные в такой сверхбогатой Америке? На эту тему написаны сотни, тысячи книг, но наши представления и о причинах этого явления (даже если оно охватывает лишь крошечную часть общества, сравнительно с нами) не только утрированные, но и ложные.

Для меня было большим открытием, когда я узнал, что бездомные — это в значительной мере бывшие пациенты психиатрических клиник, от которых отказались в каких-то случаях вполне преуспевающие, может быть, родственники. А в Америке не принято сажать на свою шею родню, там даже дети после 18 лет предпочитают жить отдельно, у людей есть чувство гордости и независимости, «отдельности» того, что американцы называют «прайвеси»: твоя личная жизнь принадлежит только тебе. Уж лучше питаться на помойке, попрошайничать, но быть свободным и не клянчить у родных... Нам это трудно понять, но это так.

До поры до времени жили они в психлечебницах, куда их теперь не заманишь, на всем готовом. Защитники гражданских свобод протестовали: за что держать в заточении людей, практически не представляющих никакой опасности для окружающих? Консервативные политики, выступавшие за сокращение расходов на социальные нужды ради сбалансирования бюджета, повышения уровня жизни средних и богатых слоев, согласились: зачем зря тратиться на общественную психиатрию, если можно сэкономить? И выпустили этих пациентов, не стали держать их силой.

У этих людей неадекватное сознание, едва ли многие из них понимают, насколько они больны; жизнь на воле показалась им избавлением, какой бы трудной она ни была. Ну, на работу их никто, понятное дело, не берет, а это значит, что надежд на покупку или аренду дома, хорошей квартиры нет и не будет. Плохих же домов и квартир, типа наших переуплотненных, с тараканами и провонявшими от мочи подъездами в Америке практически нет... Замкнутый круг.

Они часто наркоманы, пьяницы, люди, утратившие человеческий облик и достоинство. (В нашей винной очереди таких — половина, а ведь живут «ничего»!)

Многие «сбились с круга», покатились вниз. Кого-то «подсекла» безработица: если одних она заставляет все предпринять, чтобы выкарабкаться, быстрее вернуться к условиям жизни среднего класса, то другие привыкают к пособиям, к хроническому безделью за счет общества, опускаются, запивают, им уже ничего не нужно, на все наплевать.

В знак вызова, чтобы помозолить глаза более преуспевающим, бездомные любят расстилать свои спальники, ставить узлы с пожитками на самом виду, в местах наибольшего скопления людей; с непривычки у приезжего создается впечатление, что их много, но это не так, конечно, хотя точную статистику вести трудно, цифры самые разные, ведь

ни «прописок», ни «учета обеспеченности жильем» для них там нет. По-нашему: типичные бомжи. Но нашим — куда хуже, ведь в Америке у бедняков есть все-таки шанс выкарабкаться, есть благотворительные организации, пытающиеся лечить этих бедолаг, переселять в чистые, благоустроенные общежития гостиничного типа, и подыскивать им работу (я целый день в Лос-Анджелесе провел, изучая работу одной из таких служб, в уже упомянутом районе Скид-Роу); нашим же бомжам ничего кроме тюрьмы не светит: никому они не нужны, ни работы, ни дома никогда у них не будет. Тупик!

Да и вообще, ханыгу-грузчика, пьяного с утра до ночи — на работе! — в Америке не увидишь. Это страна высококвалифицированного труда (если есть работа, ты уже богат!), где практически для занятия каждого места нужен определенный уровень образования, знание английского языка, устойчивая репутация...

А в страну правдами и неправдами ежегодно прибывают многие тысячи людей, которые совершенно не владеют ни знаниями, ни культурой современного общества, ни английским языком; люди из самых неразвитых стран, да еще с большими семьями, готовые на любую работу. Но где ее взять, эту любую работу?

Вот они и пополняют районы трущоб, целыми семьями ночуют на асфальте, роются в отбросах, как наши алкаши на городских свалках. Есть среди них и увечные, есть и бывшие зэки, есть жертвы постоянного воспроизводства нищеты в тех же трущобах: алкоголики и наркоманы в энном поколении, учиться в школе не захотели, потому как куда выгоднее торговать наркотиками, а нормальной работы — нет... Или матери с восемью детьми — от восьми разных отцов. Не черный цвет кожи — причина их нищеты во многих случаях, а безысходность и необратимость жизненного цикла в черном гетто, откуда выбраться не так просто. Сам же цвет кожи — не помеха, если есть воля, силы, уверенность в себе и в своей цели.

Во всяком случае, уверен, что ни одного эмигранта из СССР среди бездомных и попрошаек вы не встретите. Как ни трудно врастание в новое общество для тех, кто и слова по-английски поначалу сказать не может, «наши» достаточно быстро адаптируются — и вливаются в средний класс. Это о чем-то да говорит? Там человек — хозяин своей судьбы. Там нет «жертв прописки», отбросов общества по воле властей.

И еще. Дай Боже, чтобы наше общество тратило столько миллиардов на решение собственных трудных социальных проблем, предоставляло такую помощь неимущим, платило такие пенсии старикам, заботилось бы так об увечных, кормило бы голодных, содержало ночлежки для бродяг, переживало бы любое понижение температуры (вдруг замерзнут?) и угощало обездоленных рождественскими подарками. Да, филантропия — не выход, но мы и тут — в приготовительном классе, лишь начинаем учиться проявлять заботу о своих обездоленных.

ТЫСЯЧИ ТЫСЯЧ МЕЛОЧЕЙ

И вообще, зачем мы так много пишем об исключении из правила, когда Америка — совершенно другая страна, с фантастическим уровнем жизни обычных тружеников? Прошу читателя поверить мне: никакие фотографии, книги, статьи, киноматериалы не в состоянии передать правду об этой стране, то ощущение чуда, которое я там испытал после того, как всю жизнь познавал ее «заочно».

Я, к примеру, был уверен, что в Америке царит стандарт. Хотя бы потому, что ни одна страна мира столько не сделала для промышленной стандартизации, унификации, чтобы сократить излишние расходы на производство и эксплуатацию, обеспечить взаимозаменяемость деталей...

Думал, там стандартные дома, стандартная пища, пресса, развлечения, мода. Крепко вбили в меня эту идею!

Оказалось, что нет более разнообразного общества, где было бы столько всего разного. Да, макдональдсовские гамбургеры всегда и в любом конце страны строго соответствуют стандарту, но ведь это и хорошо, уже знаешь, на что идешь, что возьмешь, останавливая машину у очередной закусочной. Однако же таких «цепей», созданных для мгновенного насыщения (длиннющие очереди на Пушкинской площади перед «Макдональдсом» в СССР потрясли американцев, ведь сами они считанные минуты тратят в таких заведениях, весь их смысл в быстром обслуживании!), в стране множество, и в каждой — свой набор блюд.

В каждом городе есть свои «Кафе де Пари», с парижским ароматом, и отделения фирмы «О бон пэн», с несравненными круассанами, тоже французским изобретением, и свои отделения «Пэссидж ту Индиа», где готовят индусы; есть рестораны и закусочные китайские, эфиопские, арабские, корейские, сиамские, японские, вьетнамские, мексиканские, греческие, итальянские, всех народов мира, и американцы хорошо разбираются во всех этих национальных блюдах, мгновенно осваивают и усваивают их (будь то итальянские пицца или слоеный пирог ласанья, или напитки, пришедшие с Гавайев, вина, производимые в любой винодельческой стране, кроме, увы, нашей Грузии).

Не верьте тому, кто говорит, что в Америке невкусная еда. Да, подчас непривычная, но что же мешает подобрать «свой» набор яств — или просто лакомиться той, что роднее, благо всюду есть русские рестораны и магазины, где можно купить — без исключения — все то, чего у нас нет в продаже, но что хранит память. Скажем, «Мишки» и «Клюкву в сахаре», торт «Киевский», конфеты «Ночка» и бабаевский шоколад, соления и копчения, окорока и балычки, красную рыбу и черную икру, ну, все, хоть «Птичье молоко»...

Ведь и по сей день все это выпускает наша промышленность — для Кремля и для продажи за валюту. И любые сорта водки, в экспортном исполнении, и крабы «Чатка» с Камчатки, и селедочка нежнейшая...

Из тысяч уже готовых блюд, что тебя ждут на полках в магазине, только что остается разогреть содержимое коробки в микроволновой печи, всегда найдешь что-то себе по вкусу. И сотни сортов сыра, колбас. Фрукты и овощи круглый год...

Стандартных домов я в Америке не видел, они все разные, интересные; есть, правда, система «кондоминиумов» (или «кондо», сокращенно), микрорайонов одного стиля и вкуса, где найденный архитектором оригинальный модуль малоэтажной застройки повторяется в разных сочетаниях многократно, это как бы своя собственная «деревня», с полным циклом обслуживания, спортзалами и бассейнами, магазинами, парком, но ведь вся штука в том, что похожего «кондо» не найдешь, каждый существует на всю страну только в одном экземпляре, и каждый радует глаз. Никаких «серий»! Никаких «крупных блоков», повторенных миллионы раз! Сотни, тысячи вариантов сантехнического оборудования, наборов мебели или дверных ручек, каждой мелочи, нужной для дома. Не «тысяча мелочей», а тысяча вариантов каждой!

Впрочем, об американском «сверхизобилии» я тоже много читал изданной в США критической литературы. Зачем, дескать, столько вариантов одного и того же продукта, пищевого или промышленного товара? Не проще ли, не выгоднее ли экономически сузить этот выбор, продавать, скажем, не двадцать или сорок видов апельсинового и яблочного сока, а два или четыре? Ведь покупателю и выбрать при таком ассортименте нелегко, и переплачивает он, а мог бы сэкономить...

Да, тридцать с лишним тысяч наименований товара в магазине — это поначалу вызывает шок. Зачем дюжина сортов творога — и какой из них выбрать? Зачем 150 сортов пива, 40 — водки, столько же джина и виски? Или добрая тысяча марок вина? Или полсотни — мороженого, включая замороженный йогурт и «сорбет», шербет, по вкусу похожий на мое любимое мороженое (ах, где оно?) по семь копеек, фруктовое, без жира и молока.

Обмороки у наших приезжих при первом посещении обычного «супермаркета» — рядовое дело. Или тошнота — особенно когда вспомнишь, чем сейчас дома питаются наши дети.

Американцы ко всему этому привыкли, им это кажется нормальным, они удивляются, если где-то — не так, как у них, но оправданно ли подобное в мире, где столько еще голода и нищеты? Ну, а собственно, какое американцам дело до этого, что мешает, скажем, нам повторить их опыт, добиться такого же изобилия в нашей такой богатой ресурсами стране?

Переоценка моя, кажется, началась с того, что цены на питание я начал сопоставлять не с нашим «чернорыночным» курсом доллара (тогда возникает полная чепуха, кило эффектного, нежнейшего сыра, розового мяса оказывается дороже нашей месячной зарплаты), а с тем, сколько зарабатывают американцы — в час, в день, в месяц. И скоро привык к тому, что еда — самое дешевое из удовольствий Америки, особенно если покупаешь продукты в магазине, пиво пьешь дома, а не в баре, где оно может быть в пять-десять раз дороже... Вместо билета в кино два дня можно питаться!

Я получал по американским понятиям очень мало денег, после выплаты за квартиру и коммунальные услуги оставалось, «всего» сорок долларов в день. Попутно: мои коллеги, которые кроме стипендии еще и от своих редакций получали, кажется, чуть ли не вдвое больше, спрашивали меня, как я могу так «скромно» жить.

Ну, а поход в магазин за едой, за недельным запасом, обходился мне, скажем, в 25 долларов, иногда чуть больше. Иными словами, я не тратил на питание более десятой части своих доходов, даже после вычетов за дорогое жилье (с телефоном и коммунальными услугами — порядка 700 долларов в месяц). Ведь моя двухкомнатная квартира была на расстоянии считанных шагов от университета, там — безумные цены...

Отсюда вопрос: если они могут себе экономически позволить такое удорожающее товары сверхизобилие, такой выбор еды, да и промтоваров любых тоже, что же в этом плохого?

Ну, а когда я переступил впервые порог книжного магазина, то понял, насколько я заблуждался, думая, что много — не всегда хорошо. Тут и вовсе моих слов не хватит на рассказ о богатстве Америки.

Там было все — от древних греков до последних новинок, по любой отрасли знания, на любой вкус, да по несколько книг на каждую тему, по любому вопросу.

Художественная литература? Рядами, в алфавитном порядке, писатели всех времен и народов, в твердой или мягкой обложке, издания

для школьников и для знатоков, отдельные произведения, избранные, полные собрания сочинений. Русские классики? Пожалуйста, Чехов и Достоевский, Тургенев и Станиславский, Горький и Шолохов, Солженицын и Гоголь... У нас они — как «Птичье молоко»? И Владимир Войнович, и Виктор Некрасов, Василий Аксенов, Василий Гроссман, и «Дети Арбата», другие издания последних лет, и мемуары наших политиков, ученых, общественных деятелей, изданные раньше, чем в Москве, сборники публицистики наших авторов, десятки, десятки интереснейших книг о происходящем сегодня в СССР (такие требуют для публикации две-три недели), и роскошные альбомы по советскому изобразительному искусству, архитектуре 20-х годов...

А ведь нас десятилетиями убеждали, что американцы не переводят, мол, наших авторов, держат читателя в неведении...

Ну, а те, кто знает русский язык, те вообще счастливые люди: в соседнем магазине, где книги все — на иностранных языках, стоит пара больших шкафов, где есть все то, что в Союзе «не достать», изданное у нас и за рубежом, Высоцкий и Бродский, что угодно, кто угодно...

Эти десятки тысяч книг, в невероятно привлекательных обложках, на самые экзотические темы (а в подвале тысячи уцененных, букинистических), на любой возраст — просто ошеломляют!

А в других магазинах — другой набор, многое не повторяется. Или записи музыкальных произведений: в каталоге Шванна значится 18 тысяч грампластинок, стереозаписей, видеозаписей, компакт-кассет...

Вас интересуют произведения русских композиторов, классиков и современных гениев? Пожалуйста, есть все, да при этом каждый из шедевров — во многих, подчас пяти-шести вариантах, в исполнении разных солистов, оркестров, дирижеров, оперных трупп и хоров... Нет в магазине? Пришлем домой, нет проблем.

Слишком много — не бывает. Бывает — слишком мало.

«ГОРОД ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА»

А что же Нью-Йорк, проклятый великим пролетарским писателем? Однозначно ответить на этот вопрос нелегко. Отношение к нему складывалось сложно, менялось...

Ну, есть привычные штампы: столица мира, город, диктующий мировую моду, место, где на утро можно проснуться мировой знаменитостью, откуда (даже при возвеличении Токио) идут мировые цены, вкусы, вырабатывается поведение великих держав — путем принятия резолюций ООН и Совета Безопасности... Оглушающий, великий город-труженик, ворота на континент, где и белое-то лицо сегодня стало трудно разглядеть в толпе черных, желтых, оливковых американцев, в каком-то смысле даже и не Америка, а своя отдельная страна, живущая собственной жизнью, притом нелюбимая многими в США, такая непохожая на все, о чем прежде думал... Зато другие влюблены по гроб жизни в Нью-Йорк, не представляют, где же еще можно жить. Эрнст Неизвестный в своей студии на Грэнд-стрит сказал мне:

— Первые несколько лет эмиграции я провел в Европе, и было тихо и славно, но все не то. А когда открыл для себя Нью-Йорк, сразу понял: вот мое место! Этот бурный и нервный ритм, чувство того, что сама жизнь рождается здесь, учащенный пульс перемен, вызывающий желание работать 24 часа в сутки, эта лихорадка, вечный бег на улицах — ну, сразу оценил, что с моим характером я, наконец, нашел то,

Игроки

«ВИЖУ СЕРДЦЕМ...»

Елена Борзых родилась и выросла в семье военнослужащего и с детских лет привыкла к переездам. Где бы она ни находилась, всегда рисовала, стараясь сердцем проникнуться красотой вновь узнанного края, увидеть в нем то сокровенное, что прежде не замечалось другими и выразить это по-своему, влюбленно и доверительно.

Краски ее пейзажей сдержанны, но чисты по тону, и поэтому холсты производят на зрителя впечатление благородного сияния, располагая к длительному всматриванию в произведения художницы, где зримо свершается течение времени, настраивая на философский лад. А в характерах персонажей живет дух жизнелюбия. Это трудолюбивые, сильные, неунывающие люди, не теряющиеся в противоречивых житейских обстоятельствах.

Творческий путь Елены Борзых начинался в 70-е годы, когда в искусстве проявлялись самые разные стилистические увлечения. Художнице удалось найти свой путь и она верна ему.

Иван Купцов

Попутчики

что искал. Нет для меня теперь другого города... А здесь я как рыба в воде!

Считая себя «европеистом», ненавистником гигантомании и небрежности, безвкусицы и алогизмов, уродливых сочетаний богатства и нищеты, красоты, величия — и грязи, пороков, я поначалу отторг Нью-Йорк, был попросту шокирован им, подавлен... Особенно после идеального Бостона и вообще Новой Англии, ставшей для меня олицетворением рая, гармонии, радости жизни.

Не скажу, что я сдал позиции, но с каждым приездом этот Великий Город открывался мне все новыми сторонами, и я, кажется, стал лучше понимать того пожилого господина, который озадачил меня в мой первый приезд: он неподвижно сидел в инвалидной коляске на пересечении двух шумных улиц и с упоением и счастьем взирал на происходящее вокруг — на густую толпу и нескончаемую вереницу машин, на призывную рекламу и вакханалию товаров за стеклами витрин, на обилие снеди, кафешек, уличных торговцев остропахнущими колбасками...

О чем вспоминал он, о чем думал? Ко времени отъезда я, кажется, стал понимать безмятежную улыбку на его лице. Это — как курение, опьянение, наркотик; раз привыкнув, не оторвешься, и вся Америка покажется после Нью-Йорка в самом деле тихой провинцией, даже со всеми ее небоскребами невиданной архитектуры, и миллионами машин, и великими мостами Сан-Франциско...

Магия Нью-Йорка не поддается анализу, она иррациональна и уникальна, и если ты ее не ощутишь, то ты слепец, бесчувственный и ограниченный упрямец, сосредоточившийся на собственном пупе. Тогда тебе никогда не понять гений кинематографиста Вуди Аллена, самого ньюйоркского из режиссеров, вообще многое в мифологии и культуре этой страны, и роль еврейского в ней элемента, космополитизм, живучесть, дух делячества, которому Америка обязана своим богатством, и подлинный смысл, «послание» той скульптурной группы в Баттерси-парке, что изображает потрясенную, полную надежды толпу переселенцев со всего света, ступившую ногой на континент. Именно здесь перемалывалась эта разноликая толпа, ставшая потом американской нацией, на заводах и фабриках, в портняжных мастерских и типографиях, на подмостках бесчисленных театриков, в лавочках подержанных вещей и ослепительных магазинах, всюду, где «безъязыкий», нищий переселенец мог найти какую-то работу. И разве сегодня не происходит то же самое?

Великий город! Он не просит любви, он, возможно, как Москва, слезам не верит, хотя и безмерно ее демократичнее, открытее, он груб, но он создает ту лучшую жизнь, до которой мы никогда не дотянемся, и его уродливый, порой «неправильный» облик волнует людей так, как может потрясти, взволновать лицо женщины, пусть, строго говоря, некрасивой, но вызывающей желание бросить все на свете и устремиться вслед...

Этот самый «неамериканский» из городов создал Америку.

«ХАЛЯВА, СЭР!»

«Народ там живет трудолюбивый, но гостеприимный»,— любит пародировать мой коллега по журналу очерки о путешествиях в дальние страны, которыми нас всегда потчевала пресса.

И о трудолюбии, и о гостеприимстве американцев можно расска-

зывать долго. Я же хочу поделиться общим наблюдением: мы не знаем и не понимаем американцев совершенно — так же, как и все в их стране. Нет ничего дальше от придуманного нами облика, ставшего стереотипом: мы, дескать, так на них похожи, как никто, такие же добрые и открытые, простодушные, любим гигантизм и просторы (страны-то какие по территории!), в чем-то наивные и смешные, патриоты и идеалисты, полны увлеченности и ребячества...

Каждое из этих определений верно применительно и к нам, и к американцам. Но проявляется все — как в том зеркале, что слева, оказывается справа, и наоборот.

Свободные жесты и походка, манера поведения и обращения к людям, непринужденные жизнеощущение и характер, равноправное отношение к женщине, детям, старикам, коллегам по работе и начальству, умение ценить время и отвечать за каждое слово, нормально работать и нормально отдыхать, не выплескивать на другого свое горе и заботу, когда надо — сдерживаться, но и бурно радоваться жизни, любому ее пустяку — в тысячах своих проявлений их человек противоположен нашему образцу.

Только там начинаешь понимать, какие мы несвободные, принужденные, недемократичные, ненормальные, чрезмерные, навязчивые порой и несдержанные, как некрасиво ходим, толкаемся, сидим, танцуем, какие мы вообще... рабы, о чем с горечью писал когда-то Чехов. В генах ли это? Ничуть не бывало, дети наших эмигрантов так быстро становятся настоящими американцами, безо всяких комплексов, ущемленности, раскованными, свободными... Рабское общество тому виновато! Это оно порождает в нас предел неестественности.

Американец не завидует чужому богатству, нет, просто думает, как бы и ему преуспеть, что бы такое придумать. Он не винит общество, окружающих в своих бедах, но только самого себя, собственные безволие, леность, отсутствие инициативы. Он не ждет наставлений, «проработок», помочей, на которых его будут водить, нет, для этого он слишком горд и самостоятелен. Он живет по принципу «не делай другому того, чего ты бы не захотел получить от другого», и потому не старается других унизить, растоптать, смачно и хлестко обругать, обмануть. Он не смеет других оскорбить даже своим дурным запахом!

Признаюсь, мне больно было узнать о том, что самый первый урок, получаемый нашими эмигрантами, заключается в необходимости соблюдать «личную гигиену». Ну, хорошо, у вас на родине нет в изобилии дезодорантов, талька для ног, шампуней и приятного по запаху мыла, эликсиров для полости рта, всяческих освежителей, стиральных порошков, делающих белье в хорошем смысле пахучим, говорят там нашим, но ведь здесь же всего этого навалом! Не экономьте, пользуйтесь, мойтесь почаще, следите за собой, стирайте носки, сорочки, «бдите», иначе от вас все отшатнутся, никто не даст вам работу...

Мы даже пахнем рабством.

Или наша беспредельная жадность, заставляющая «уносить» все с работы, воровать все то, что «плохо лежит», делающая наших, работающих за рубежом, дикими стяжателями (в разгар кризиса в Персидском заливе не хотели из Ирака возвращаться домой, пусть хоть атомная бомба на голову свалится, но свою валюту не отдам никому, все до последней копейки мое!), это разве не рабство? А наша «халява», непереводимая игра слов, рвачество?

Есть, правда, одно в нас качество, о котором с восторгом отзываются все, кто пожил несколько лет в Москве; все было плохо этим американцам в дикой и жуткой стране, но когда они навещали своих русских друзей и все усаживались за кухонный стол, прижавшись локтями друг к другу, и начинались задушевные разговоры о «самом главном», они, американцы, испытывали такой душевный подъем, такую радость и счастье, что ради этого одного не жалко было приехать в нашу такую далекую, непонятную, неблизкую им по сути своей страну. Но где еще любят так друзей, так бескорыстно делятся, так искренни и возвышенны друг к другу? Где еще столько идеализма, пренебрежения материальным комфортом, успехом? В других странах в гостях болтают по пустякам, здесь же изливают душу, страдают, ищут... Как герои Достоевского, подтверждая душевное с ними родство.

Все верно! Но после Америки я начал в чем-то сомневаться.

Да, нам ведь всем «погибнуть поодиночке», если бы не умение «взяться за руки», и это наше счастье, наша великая традиция.

«Не в деньгах счастье», говорим мы. А в чем? И достигнем ли мы благосостояния с такой философией, не застрянем ли в своей «гордой» нищете, как мы полагаем? Да и может ли она быть гордой?

Все-то у нас в дефиците. Хочешь найти жилье, работу, врача, да что угодно, ищи обходные пути, прибегни к помощи друзей. Как без них?

А что, если бы дефицита не было? Что будет с нами, если, как в Америке, все можно будет не «достать», а просто купить за деньги? Сохранится ли тот пыл дружбы, что скрашивает наши дни сегодня?

И привьются ли у нас столь необходимые для общественного прогресса индивидуализм, опора на свои собственные силы, независимость, удовлетворение тем, что ты сделал это сам, без чьй-то помощи?

Вот, скажем, все удивляются, как это у нас люди живут тремя поколениями под одной крышей, дедушки и бабушки ухаживают за внуками; нигде на Западе такого нет, старики предпочитают жить там отдельно, наслаждаясь свободой от забот. И дети уходят из семьи так рано, в восемнадцать лет. Никто никому ничего не должен...

Но ведь только наша нищета мешает поколениям «разбегаться» в разные стороны, и сколько трагедий происходит потому, что на кухне больше чем одна хозяйка! Может, и мы придем когда-нибудь к изобилию жилья, что тогда будет? Может, и наша гордость уникальностью нашего характера — все от того же нищенского, рабского способа бытия? Вот в чем вопрос.

ЗА ЧЕМ ТУДА ЕЗДИТЬ

Нет, разумеется, нам не надо рабски копировать Америку. Но чтобы лучше понять себя и свой путь, нужно там побыть, поработать, разобраться, поучиться... Меня лично очень радует, что теперь многие люди смогут это сделать. Может, тогда мы скорее поймем, как нужно защищать человека и природу, как уберечься от произвола диктатора, как вознаградить каждого за его труд, предоставить ему в изобилии все блага жизни, оградить от унижений и страданий, от нищеты.

А пока что при виде Америки мы изумленно открываем рты. Эх... Живут же люди! Денек бы так пожить...

СОВЕТСКИЙ АНТИСОВЕТСКИЙ АНЕКДОТ

«Советский Союз в зеркале политического анекдота» — так называется большая книга, вышедшая в Израиле вот уже тремя изданиями. Собрали эту книгу Дора ШТУРМАН (знакомая нашим читателям по 2-му номеру «Горизонта») и Сергей ТИКТИН.

Вряд ли надо говорить, какое место занимал и занимает анекдот в нашей полной уродств и гримас жизни. Может быть, достаточно вспомнить давние строки Наталии Горбаневской: «А я откуда? Из анекдота. / А ты откуда? Из анекдота. / А все откуда? А всё оттуда, / из анекдота, из анекдота».

Сегодня «Горизонт» публикует лишь крупицы из книги; в будущем мы планируем продолжить публикацию в журнале, а также выпустить книгу отдельным изданием.

*

— Что означает «РКП(б)»?
— Россия Кончит Погромом.
— А «ВКП(б)»?
— Все Кончится Погромом.
— Но там есть еще в скобках «б»?
— Значит большим.

(1920-е)

*

— Может ли змея сломать себе хребет?
— Да, если она будет ползти, следуя генеральной линии партии.

(Конец 1920-х)

*

Плакат у обкома: «Кто у нас не работает, тот не ест».

(1971)

*

— Можно ли сделать Париж городом коммунистического труда?
— Можно, но жаль.

(1960)

*

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Центральном Комитете.

(1956)

*

В аду переизбирают секретаря парторганизации. Предложили одного, длинноволосого, бородатого. Рекомендуют, потому что в теории подкован. Он дает себе самоотвод:
— Не гожусь для текущего момента.
— Почему?
— Во-первых, почти всю жизнь я прожил за границей, во-вторых, у меня жена дворянского происхождения, в-третьих, я еврей.
Из задних рядов: «Имя, назовите имя!»
Бородач: «Маркс, Карл Маркс».

(1957)

*

Жена ответственного партийного работника родила девочку. Мужу звонят из роддома. Муж:
— Почему девочку? Разве вы не получили указаний из обкома, чтобы был мальчик?

(1965)

*

Два старых большевика:
— Помнишь, Вася, как мы брали Зимний?
— Да, погорячились...

*

Выступает Хрущев перед колхозниками:
— ...Мы одной ногой твердо стоим в социализме, а другой шагнули в коммунизм!
Голос:
— И долго нам так стоять раскорякой?

(1957)

*

Встречает Брежнев мальчика с папой:
— Какой у тебя красивый велосипед!
— У нас теперь все красивое: и машина, и квартира, и дача.
— Очень хорошо. Это я дал твоему папе машину, квартиру и дачу. Ты знаешь, кто я?
— Папа, папа! Дядя Мойше из Америки приехал!

(1980)

*

Сообщение ТАСС: Сегодня в 9.00 после тяжелой и продолжительной болезни генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР Константин Устинович Черненко, не приходя в сознание, приступил к исполнению своих обязанностей.

(1985)

*

Две студентки решили проехаться по ленинским местам, посмотреть Женеву, Лондон, Брюссель, Париж — города, где Ленин жил в эмиграции. Попросили рекомендацию (для получения виз) в партийном комитете своего института.
— Мы полностью понимаем ваше желание, но советуем пока посмотреть Ульяновск, Шушенское и Горки Ленинские,— ответили им в парткоме.

(1970)

*

— Кто строил Беломоро-Балтийский канал?
— С правого берега — те, кто задавал вопросы, с левого — те, кто отвечал на них.

(1930-е)

*

— Что такое демократический централизм?
— Это когда каждый в отдельности против, а все вместе — за.

(1967)

*

— Что в Советском Союзе самое постоянное?
— Временные трудности.

(1960-е)

*

Юрист, хирург, строитель и партработник поспорили, чья профессия древнее.
Юрист: — Когда Бог осудил Адама и Еву на изгнание из рая, это был юридический акт.
Хирург: — Бог создал Еву из ребра Адама. Это было не что иное, как хирургическое вмешательство. И это было раньше.
Строитель: — Простите, до этого Бог ПОСТРОИЛ мир. Перед тем был хаос!
Партработник: — А кто создал хаос?! Разве не мы?

(1960-е)

Роберт Брюс Локкарт

ВОСПОМИНАНИЯ БРИТАНСКОГО АГЕНТА*

Первую мою встречу с Керенским устроил князь Львов. Лучшей рекомендации и быть не могло. Подобно большинству социалистов Керенский восхищался Львовым и любил его как за цельность характера, так и за его труды на благо русского народа. Я получил приглашение на завтрак.

В назначенный час мои сани подкатили к Министерству юстиции, и по высоким ступеням парадной лестницы, где всего три недели назад царил жесткий старорежимный распорядок, я поднялся в приемную, заполненную до отказа солдатами, матросами, чиновниками юридического ведомства, студентами, гимназистками, рабочими и крестьянами, которые терпеливо ждали, как в длинных хлебных очередях на Литейном или на Невском. Я пробился сквозь толпу к усталому и издерганному секретарю.

— Вы хотели бы видеть Александра Федоровича Керенского? Это решительно невозможно. Приходите завтра.

Я терпеливо объяснил, что приглашен на завтрак. И секретарь снова ответил как автомат:

— Александр Федорович уехал в Думу. Когда вернется — неизвестно. Теперь, знаете ли...

Он пожал плечами, но, прежде чем на лице моем успело отразиться недоумение, толпа вдруг подалась вперед.

— Назад, назад! — закричали солдаты. Два нервных и очень юных адъютанта освободили проход, и ко мне быстрым шагом подошел Керенский. У него болезненное, почти мертвенно-бледное лицо. В узких монголоидных глазах читается усталость, но твердая складка у рта и жесткий ежик волос свидетельствуют о том, что он полон энергии. На нем темный костюм, похожий на лыжный, из-под которого выглядывает черная блуза русского рабочего. Он берет меня под руку, ведет в личные апартаменты и мы садимся завтракать за длинный стол примерно на тридцать персон. Г-жа Керенская уже завтракает. Рядом с ней сидит бабушка русской революции Брешковская и огромный матрос-балтиец с мускулистыми руками. Люди свободно входят и выходят. Завтрак не ограничен какими-то временными рамками и, похоже, открыт для всех. И все это время Керенский говорит. Несмотря на правительственное запрещение на столе стоит вино, но сам хозяин не пьет ничего кроме молока. Всего несколько месяцев назад ему удалили туберкулезную почку. Но на его энергичность это не повлияло. Он вкушает первые плоды власти. Он уже начинает понемногу противиться давлению, которое оказывают на него союзники. «Что сказал бы Ллойд Джордж, если бы к нему пришел русский и стал указывать, как ему управлять английским народом?» Однако у него добрый нрав. Энтузиазм его заразителен, его революционная гордость безмерна. «Мы делаем лишь то, что вы совершили несколько веков назад, но при этом постараемся обойтись без Наполеона и без Кромвеля. Меня называют безумным идеалистом, но слава Богу, что идеалисты не перевелись еще в этом мире». И в ту минуту я готов был возблагодарить Бога вместе с ним.

С того первого завтрака у меня было много встреч с Александром Федоровичем. Полагаю, что в России я знал его лучше — даже намного лучше — чем кто бы то ни было из английских должностных лиц. Я несколько раз был переводчиком при его переговорах с сэром Джорджем Бьюкененом. Я часто виделся с ним наедине. Именно ко мне он пришел, когда скрывался от большевиков. Именно я помог ему выбраться из России. И сегодня, когда тысячи русских, выступающих против большевиков — да и англичане тоже — поносят его; когда люди, прежде искавшие его внимания и внимавшие ему, проклинают его имя, я остаюсь его другом.

Керенский пал жертвой надежд буржуазии, порожденных кратковременным успехом. Он был достойным, а может быть, и великим человеком — искренним, несмотря на свои ораторские таланты, и для человека, на которого в течение четырех месяцев молились как на Бога, сравнительно скромным. Он с самого начала вел безнадежную борьбу, пытаясь загнать назад в окопы страну, уже покончившую с войной. Попав под перекрестный огонь левых, на каждом углу и в каждом окопе кричавших о мире, и правых, вместе с союзниками требовавших восстановления порядка царскими методами, он не имел никаких шансов на успех. И он пал, ибо всякий, кто попытался бы делать то, что делал он, был обречен на падение.

Однако на протяжении нескольких недель казалось, что его ораторское искусство может сотворить чудо и что его нелепая вера в здравый смысл русского народа, которую разделяли все эсеры и большинство либералов, может оправдаться.

Керенского следует считать одним из величайших ораторов, известных истории. В его манере говорить, казалось, не было ничего привлекательного. Голос его давно стал хриплым от крика. Во время речи он обходился всего несколькими жестами, что редко свойственно славянам, но словом он владел так, что его убежденность передавалась всем, кто его слушал.

Я как сейчас помню его первый приезд в Москву. Это было, насколько я помню, вскоре после того, как он стал военным министром. Он только что вернулся с фронта и выступал в Большом театре, со сцены, на которой впоследствии большевики ратифицировали Брестский мир. Однако Керенский первый из политиков витийствовал с этой знаменитой сцены, знавшей Шаляпина, Собинова, Гельцер, Мордкина и многих других известнейших певцов и танцоров. По этому случаю весь огромный амфитеатр был заполнен сверху донизу. В Москве угли русского патриотизма еще теплились, и Керенский приехал разворошить их, чтобы появилось пламя.

* Продолжение. Начало см. в № 2.

В партере и ложах бенуара находились со своими женами генералы, высшие чиновники, банкиры, крупные промышленники и купцы. На сцене были представители Советов солдатских депутатов. На авансцене, вплотную к суфлерской будке, была установлена небольшая трибуна. Последовала обычная десятиминутная задержка, и по аудитории пронеслись обычные слухи — Александр Федорович заболел, новый кризис потребовал его присутствия в Петербурге... Вдруг гул разговоров перешел в шквал аплодисментов, бледный министр появился из-за кулисы и прошел на трибуну. Аудитория приветствовала его стоя. Керенский простер руку и сразу же начал говорить. Он выглядел больным и усталым. Вытянувшись во весь рост, словно мобилизуя последние силы, в нарастающем потоке слов он стал разворачивать свою проповедь. Ничто ценное не может быть приобретено без страдания. Человек сам рождается для этого мира в муках. Величайшая из всех революций истории началась с Креста Голгофского. Следует ли ждать, что наша собственная революция сможет утвердиться без страданий? Нам от старого режима досталось ужасающее наследство — развал транспорта, нехватка хлеба, нехватка топлива. И все же русскому народу не привыкать к страданиям. Сам он только что вернулся из окопов. Он видел солдат, которые месяцами напролет живут в грязи, по колено в воде. Они покрыты вшами. Целыми днями не видят они другой еды, кроме корки черного хлеба. Им нечем даже защитить себя как следует. Они месяцами не видели своих жен. И все же они не жаловались. Они обещали исполнить свой долг до конца. Жалобы он слышал только в Петербурге да в Москве. И от кого? От богатых, от тех, кто, надев шелка и золотые украшения, пришел сегодня сюда, чтобы послушать его на досуге.

Он обвел глазами ложи и резкими отрывистыми фразами привел себя в ярость. Хотят ли они привести Россию к гибели, взять на себя ответственность за самое подлое предательство в истории, в то время как бедные и простые люди, у которых есть все основания для жалоб, все еще держатся? Ему стыдно за равнодушие больших городов. Что они сделали для того, чтобы так устать? Неужели они не могут потерпеть еще немного? Он прибыл в Москву за поддержкой для тех, кто сейчас в окопах. Может быть, ему следует отправиться назад и сказать им, что усилия их напрасны, ибо в «сердце России» остались одни маловеры?

Закончив речь, он откинулся в изнеможении на руки адъютантов. При свете рампы лицо его было залито мертвенной бледностью. Солдаты помогли ему сойти со сцены, а все зрители вскочили с мест в истерическом исступлении и кричали до хрипоты. Человек с одной почкой, человек, которому, казалось, жить оставалось всего ничего, еще спасет Россию. Жена какого-то миллионера швырнула на сцену свое жемчужное ожерелье. Все женщины последовали ее примеру, и дождь драгоценностей пролился из каждого яруса огромного здания. В соседней со мною ложе генерал Вогак, отдавший царской службе всю свою жизнь и ненавидевший революцию хуже чумы, рыдал как ребенок. То была речь, достойная эпоса,— она вызвала больше эмоций, чем какая бы то ни была из речей Гитлера и других ораторов, которых мне довелось потом слышать. Эта речь длилась два часа. Москва и остальная Россия были под ее впечатлением еще два дня.

Сегодня реакционеры и империалисты, некогда заискивавшие перед Керенским, не находят для него ни одного доброго слова. Даже в большей степени, чем на большевиков, они пытаются свалить на него все свои грехи.

В 1923 году в Праге ко мне пришли два юных отпрыска русских аристократических фамилий. Они были в приподнятом настроении. Они сказали мне, что весь день осыпали бранью Керенского. Они узнали, что в Праге он остановился в гостинице «Париж». Они сняли соседний номер и весь день выкрикивали «паршивый пес» и тому подобные оскорбления, стоя у тонкой перегородки. Это характеризует отношение большинства русских к человеку, главная вина которого состояла в том, что он не оправдал несбыточных надежд.

Керенский был символом интерлюдии, необходимой между царской войной и большевистским миром. Его провал был неизбежен. В глазах стоявшей на его стороне России еще большим провалом предстала бы его смерть в тот период, когда он был у власти.

В июне 1931 года он завтракал со мной в Лондоне в Карлтон Грилл Рум. Во время завтрака к нашему столу подошел лорд Бивербрук* и присоединился к нам. С характерным для него интересом к людской психологии он стал сразу же осыпать Керенского вопросами.

— В чем причина вашего падения?

Керенский ответил, что немцы форсировали восстание большевиков, потому что Австрия, Болгария и Турция были на грани заключения сепаратного мира с Россией. Австрийцы решились просить сепаратного мира менее чем за две недели до Октябрьской революции.

— Удалось бы вам победить большевиков, если бы был заключен мир? — спросил лорд Бивербрук.

— Конечно,— сказал Керенский,— и сейчас в Москве были бы мы.

— Тогда почему же вы не сделали этого?

— Мы были слишком наивны...

Наивность — вот точная эпитафия Керенскому.

Сейчас ему пятьдесят. Он великолепно выглядит. После того, как ему удалили туберкулезную почку, он ни дня не болел. Он живет в Париже и все еще мечтает о дне, когда Россия вернется к нему. Он по-прежнему идеалист. Ему не хватает, как и всегда не хватало, безжалостности преуспевающего революционера. У него двое сыновей. Оба они инженеры, и оба работают в Англии.

По странному стечению обстоятельств Керенский, Ленин и Протопопов (самый бешеный из царских министров) родились и выросли в одном и том же волжском городе — Симбирске. Предки Керенского были православными священниками. Его отец был чиновником и попечителем Ленина. Несмотря на это, Керенский никогда не был знаком с Лениным, а только раз или два видел его издалека.

К числу других революционеров, с которыми я завязал знакомство в тот период, принадлежали Борис Савинков, Филоненко, Чернов, Зензинов, новый московский городской голова Руднев, председатель Совета солдатских депутатов Урнов, старый и всеми уважаемый редактор-эсер Минор, а также Прокопович и его жена Екатерина Кускова — знаменитая чета, как внешностью своею, так и своей деятельностью бывшая русским аналогом г-на и г-жи Уэбб**. Когда-нибудь, когда русская революция отойдет в прошлое, так же, как отошла французская революция, их имена будут фигурировать в русских учебниках истории. Для иностранного читателя все они, за исключения Бориса Савинкова, не представляют интереса.

* Уильям Максуэлл Эйткен Бивербрук (1879—1964) — английский государственный и политический деятель. Видный консерватор. Крупный газетный магнат.

** Супруги Сидней и Беатриса Уэбб — английские экономисты и общественные деятели. Историки английского рабочего движения, теоретики тред-юнионизма и фабианского социализма.

По какой-то причине, я так и не смог понять по какой, Борис Савинков всегда казался англичанам человеком действия и, в силу этого, героем. Савинков даже в большей степени, чем большинство русских, был прожектером — человеком, способным просидеть всю ночь за бутылкой коньяка и за разговорами о том, что он будет делать на другой день. А когда этот другой день наступал, он предоставлял действовать другим. В талантливости ему не откажешь. Он написал несколько превосходных романов. Он изучил характер революционеров, пожалуй, лучше, чем кто бы то ни было, и знал, как играть на их характере в своих целях. Он так часто общался со шпионами и агентами-провокаторами, что, подобно герою одного из своих романов, не всегда понимал, обманывает ли он сам себя или того, кого намеревался обмануть. Как и большинство русских, он был красноречивым оратором и умел навязать свою волю окружающим. Одно время он полностью покорил г-на Черчилля, который видел в нем русского Бонапарта. И тем не менее в характере его были роковые изъяны. Он любил роскошь и, несмотря на то, что был честолюбцем, не был готов принести свои удовольствия в жертву своему честолюбию. Главная его слабость была та же, что и у меня — роковая способность бешено работать в течение короткого времени, а затем долгое время предаваться праздности. Я часто виделся с ним и после падения режима Керенского. Он приезжал ко мне в Москву в 1918 году, рискуя при этом головой. Опасность, грозившая ему, а кстати и мне, была очень серьезной. Единственным средством маскировки служили ему тогда лишь роговые очки с затемненными стеклами. Разговор его сводился в основном к упрекам в адрес союзников и русских контрреволюционеров, с которыми, как предполагалось, он должен был сотрудничать. В последний раз я видел его в одном из ночных заведений Праги в 1923 году. Он был трогательным человеком, и к нему нельзя было не испытывать глубокого сочувствия. Он потерял всех своих друзей, и, когда впоследствии вернулся в Москву и предложил свои услуги большевикам, я этому не удивился. У меня нет сомнений, что в его измученном мозгу созрел какой-то план нанесения последнего удара во имя России и совершения эффектного государственного переворота. То была ставка игрока (всю свою жизнь он играл в одиночку), и, хотя противники большевиков утверждают, что он был убит — отравлен и выброшен из окна — я нимало не сомневаюсь, что он сам выбрал свою смерть.

Время правления Керенского было самым несчастливым в моей служебной карьере. Я потерял надежду, а вместе с нею и равновесие. Я пытался снять напряжение от чрезмерной работы с помощью плотских удовольствий. Я стал беспокойным и неуправляемым. Война, отметившая своим раскаленным клеймом стольких моих ровесников, напрочь лишила меня прежнего интереса к жизни. Я жаждал мирной жизни в деревне, тишины убранных полей и, не имея возможности обрести все это, предался городским соблазнам. Я явно катился по наклонной плоскости.

Когда британское правительство осознало, какие опасности связаны с русской революцией, были предприняты энергичные попытки привести русских в чувство и твердо потребовать от них выполнения своих союзнических обязательств. Какому-то гению пришла в голову идея направить в Россию франко-британскую социалистическую делегацию, чтобы она убедила своих русских товарищей продолжать борьбу. И в середине апреля в Петербург, имея своей целью проповедь мудрости и патриотизма Советам, прибыли представители французских социалистов Муте, Кашен и Лафонт, а также столпы британской лейбористской

партии Джим О'Грейди, Уилл Торн и У. У. Сандерс. Трое французов были интеллектуалами. Муте был адвокатом. Кашен и Лафонт были профессорами философии. С британской стороны Сандерс был секретарем Фабианского общества, а О'Грейди и Торна представлять английской общественности нет необходимости.

Этот визит с самого начала обернулся фарсом. Делегаты честно выполняли поставленные перед ними задачи. Как и следовало ожидать, их совершенно захлестнул поток русской революционной фразеологии. Они были сбиты с толку бесконечными обсуждениями условий заключения мира. Они понимали жаргон русских социалистов гораздо хуже, чем я. Серьезным препятствием для них было незнание языка. И, что самое худшее, им не удалось добиться доверия даже со стороны умеренных социалистов, которые с самого начала восприняли их как лакеев собственных правительств.

Но, хотя делегаты не оказали на русских ровным счетом никакого влияния, их реакция на революцию была довольно забавной. О'Грейди и Торн — в особенности Торн — были великолепны. Никогда не забыть мне завтрак в посольстве, во время которого этот прямодушный великан потешал нас рассказами о своих приключениях. Его отличала истинно английская нелюбовь к словоблудию, а галдеж на иностранных языках вообще внушал ему отвращение. У него постоянно возникало желание схватить руками головы особенно многоречивых товарищей и стукнуть их друг об друга.

Делегаты союзников посетили Москву. Они побывали на фронте. Они произнесли — с помощью переводчика — бесчисленное количество патриотических речей и в конце концов отбыли восвояси печальнее и мудрее, чем прежде. Этот визит имел забавные последствия. О'Грейди стал сэром Джеймсом О'Грейди и губернатором колоний. Уилл Торн теперь старшина лейбористов в палате общин и остается тем, чем был всегда — профсоюзным лидером. Г-н Сандерс был членом лейбористской администрации 1929 года. Среди умеренных либералов он чуть ли не самый умеренный. Из французов Лафонт в свое время переболел коммунизмом. Муте — по-прежнему умеренный социалист. А Кашен, самый пылкий патриот из всех шестерых, человек, который со слезами на глазах упрашивал Советы не выходить из войны до окончательной победы союзников,— телом и душой предался Москве и является теперь столпом большевизма во Франции.

Тем временем ход событий ускорился. Через несколько дней после прибытия франко-британской делегации, и почти одновременно с возвращением в Россию Ленина, сюда приехал Альбер Тома, французский социалист и министр вооружения. Он также был направлен французским правительством, которое по традиции претендовало на особое знание революционного движения и стремилось сохранить сотрудничество революционной России с союзниками. Тома, социализм которого был ненамного либеральнее консерватизма г-на Болдуина *, сопровождала целая армия секретарей и чиновников. Более того, в кармане своем он привез отзыв французского посла Палеолога **, циника, которого я никогда не воспринимал серьезно, но который знал Россию гораздо лучше, чем многие могли предположить. Этот отзыв посла был частью нового политического курса.

* Стэнли Болдуин (1867—1947) — английский государственный деятель, лидер консервативной партии. С мая 1923 по январь 1924 и с ноября 1924 по июнь 1929 — премьер-министр Великобритании.

** Жорж Морис Палеолог (1859—1944) — французский дипломат, публицист. Был послом в России с января 1914 по июнь 1917-го.

Я имел возможность наблюдать Тома — общительного бородатого человека с развитым чувством юмора и здоровым буржуазным аппетитом. Он подружился с сэром Джорджем Бьюкененом. Он поощрял верность Керенского военным обязательствам. Он побывал на фронте, где обращался к войскам с патриотическими речами, щедро приправленными революционными фразами. И он спорил с Советами. Он оказал союзникам одну услугу, которая в то время представлялась важной. Советы тогда постоянно вели дискуссии относительно условий заключения мира. Они изобрели формулу «мир без аннексий и контрибуций», и фраза эта, принятая на тысячах митингов в окопах и деревнях, распространилась по стране с быстротой молнии. Эта формула вызывала серьезное раздражение и даже обеспокоенность у английского и французского правительств, которые уже разделили захваченное в еще не выигранной войне как в виде аннексий, так и в виде контрибуций. Поэтому и французским послом и сэром Джорджем Бьюкененом были получены указания воспрепятствовать распространению этой новой и чрезвычайно опасной формы пацифизма. Задание это было деликатным и трудновыполнимым. Из тупика, казалось, не было выхода, и в отчаянии они обратились за советом к Тома. Добродушный социалист рассмеялся:

— Я знаю своих друзей-социалистов,— сказал он.— Ради какой-нибудь формулировки они готовы жизнь отдать. Вам следует согласиться с их формулой, а затем по-своему ее интерпретировать.

Таким образом аннексии превратились в реституции, а контрибуции — в репарации. Я полагаю, что тогда впервые было официально употреблено слово «репарации», и, кроме того, Тома удалось убедить Советы включить в свою формулу пункт о реституции Эльзас-Лотарингии. В то время это казалось существенным достижением. На практике же, поскольку меньшевики и эсеры, согласившиеся на эту уступку благодаря искушенности Тома, были так быстро сметены, все это не имело ровным счетом никакого значения.

Тома был самым занимательным из французских и английских социалистов, приезжавших в Россию в период первой революции. Он хорошо говорил. Он легко приспосабливался к обстоятельствам. И у него была смелость. Но итоги его визита оказались ничтожными. Речи его по своему результату были ничем не лучше речей наших военных агентов — полковника Нокса и полковника Торнхилла, которые с еще большей искренностью умоляли русских солдат не бросать своих союзников, сражавшихся на другом краю Европы. Большевики, конечно же, видели в нем ренегата, социал-предателя, продавшегося буржуазии, и ославляли его на всех путях и перепутьях революции.

Фактически, положение союзнических миссий в России с каждым днем становилось все более невыносимым. Все, кому не лень, пытались убеждать русских, чтобы они продолжали воевать, в то время как они только что свергли царский режим за то, что он отказался дать им мир. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: в этих условиях успех большевиков был просто вопросом времени.

По горячим следам месье Тома прибыл мистер Артур Гендерсон *, направленный в Россию с подобной же братской миссией доброй воли г-ном Ллойд Джорджем. Он также вез в своем кармане письмо с отзывом посла. Впрочем, если быть точным, собственно отзывное письмо не

* Артур Гендерсон (1863—1935) — английский политический деятель, один из правых лидеров лейбористской партии, в 1911—1934 годах ее секретарь. В 1916—1917 годах — министр без портфеля в правительстве Ллойд Джорджа.

было включено в багаж г-на Гендерсона. Дело обстояло таким образом. Когда этот министр-лейборист,— а г-н Гендерсон стал первым в истории Англии членом лейбористской партии, достигшим ранга члена кабинета,— еще находился на пути в Петербург, министерство иностранных дел направило сэру Джорджу Бьюкенену телеграмму с высокой оценкой его работы и предложением отдохнуть. Другими словами, он должен был быть отозван, а его место должен был занять г-н Гендерсон.

Расшифровав эту телеграмму и не посоветовавшись с послом, начальник канцелярии Бенджи Брюс бросился к Сазонову, выяснил у него, что Терещенко, министр иностранных дел Временного правительства, будет очень сожалеть, если сэр Джордж Бьюкенен будет смещен, а затем вернулся в посольство, где зашифровал и отправил в министерство иностранных дел длинную личную телеграмму Джорджу Кларку, в которой говорилось, что назначение Гендерсона будет равнозначно катастрофе.

Как оказалось, в такой смелой инициативе со стороны подчиненного не было никакой необходимости. Один из коллег г-на Гендерсона по лейбористской партии назвал его величайшим из министров иностранных дел Англии. Следует, правда, отметить, что д-р Далтон, коллега, сделавший столь знаменательное заявление, был доверенным лицом и помощником г-на Гендерсона, когда тот ведал иностранными делами Великобритании, и что, превознося своего начальника, он и сам купается в отраженных лучах его славы. И тем не менее во время своего визита в Россию г-н Гендерсон безусловно проявил себя как человек в высшей степени рассудительный. Сопровождаемый Джорджем Янгом, он занял апартаменты в «Европейской»— той самой гостинице, которая давала такой роскошный кров лорду Милнеру, Джорджу Кларку, сэру Генри Уилсону и многим другим выдающимся деятелям, приезжавшим в Россию. Сюда по просьбе посла я и прибыл на встречу с ним и обедал с ним в его номере. Однажды долгим летним вечером я прогуливался с ним по Невскому, по Дворцовой площади и набережной. Под отливающей золотом аркой Адмиралтейства я услышал исчерпывающий рассказ о жизненном пути Гендерсона. Я сопровождал его в Москву. Я водил его на одно из важных заседаний Московского Совета. А в его московской гостинице я организовал ему встречу для частной беседы (сам я выступал в роли переводчика) с Урновым, всесильным председателем тогдашнего Совета солдатских депутатов.

У г-на Гендерсона была безусловно им заслуженная репутация первоклассного организатора. Он — великий человек на партийных форумах, где ему удается властвовать благодаря умению скрывать свои намерения до последней минуты. Он — человек, который редко связывает себя обязательствами. Он себе на уме.

Однако в данном случае я заглянул г-ну Гендерсону в душу. Он был не совсем в ладах с географией и не вполне точно осознавал, где находится, но очень быстро убедился, что обстановка здесь нездоровая. Товарищи из Советов поставили его в тупик. Он не понимал их языка. Ему не нравились их манеры. Конечно, ему хотелось бы стать первым послом-лейбористом. Но в конце-то концов, министр — член кабинета гораздо более могущественная персона, чем даже величайший из современных послов. Кроме того, сэр Джордж Бьюкенен оказался совсем не таким неудачником, каким ему его описали. Сэр Джордж, как вскоре обнаружил г-н Гендерсон, понимал этих диких людей гораздо лучше, чем понимал их сам г-н Гендерсон. Более того, сэр Джордж был добр, а г-н Гендерсон был отзывчив на доброту и на лесть. Великая жертва была поэтому принесена легко. Г-н Гендерсон пояснил: несмотря на

то, что он мог бы возглавить посольство, стоило ему только пожелать этого, он пришел к заключению, что ничего хорошего не выйдет из смещения человека, который знает Россию намного лучше, чем он сам, и который на удивление свободен от всяческих партийных пристрастий. Сэр Джордж даже не имел ничего против Стокгольмской конференции, а г-н Гендерсон, чей несомненный патриотизм прошел закалку здравым смыслом интернационализма, видит в Стокгольмской встрече проблеск надежды. Таким образом, отряхнув с ног своих прах Петербурга, он отбыл в Лондон с намерением произнести там слова великого отречения и рекомендовать, чтобы сэр Джордж Бьюкенен был оставлен в должности Посла Его Британского Величества и Чрезвычайного Посланника при Революционном правительстве России. По его возвращении имело место его историческое сидение в приемной г-на Ллойд Джорджа — сидение, завершившееся отставкой. Таким манером он лишился и должности посла и места в кабинете. Такова была награда за миссию, которая была осуществлена добросовестно, хотя и несколько робко, и которая, какими бы ни были ее последствия для русских, оказалась полезной уже тем, что излечила г-на Гендерсона от всяческих революционных порывов до конца его дней. Что касается Стокгольмской конференции, призыв к которой стал причиной падения г-на Гендерсона, то это предложение получило поддержку нескольких британских дипломатов, в том числе сэра Эсме Хоуарда, и, отклонив его, г-н Ллойд Джордж, загоревшийся было этой идеей, а затем охладевший к ней, по всей вероятности, совершил большую ошибку. В Стокгольме мы имели возможность получить все, почти ничем при этом не рискуя.

В то роковое лето 1917 года я столкнулся с новым для себя делом, которое должен описать хотя бы из-за того, что оно рисует русский характер в трагикомическом свете. В нашем пропагандистском обозе была передвижная киноустановка, работой которой успешно руководил полковник Бромхед. Его задачей было убеждать русских сражаться, показывая им картины сражений на Западном фронте. Влияние этих военных картин на вконец разложившуюся русскую армию можно себе представить. Они, вполне естественно, способствовали только увеличению числа дезертиров.

Вины Бромхеда в этом не было. Он был славный малый, вынужденный впустую крутить кино о войне людям, единственной мыслью которых была мысль о мире. И тем не менее, он должен был выполнять свои обязанности. Показ фильмов был частью уайтхоллского плана обновления России, и отказаться от этого не было возможности.

В Москву Бромхед прибыл с обширным набором лент, демонстрировавших британские военные усилия. Не окажу ли я ему необходимую помощь, чтобы эти фильмы имели успех? Нельзя ли прибегнуть к услугам местных ораторов-патриотов? Чего уж проще. Ораторов в Москве, к сожалению, всегда было больше, чем борцов.

Мы сняли театр. Обговорили программу. И тут вмешался Совет солдатских депутатов, неизмеримо более могущественный, чем Временное правительство. Просмотр для войск Московского гарнизона будет разрешен. Пусть солдаты посмотрят. Но чтобы никаких разглагольствований в духе империалистического шовинизма. Чтобы никаких речей.

Напрасно ходил я в Президиум Совета солдатских депутатов. Напрасно пытался убеждать членов Президиума в необходимости речей. Самое большее, чего мне удалось от них добиться, было разрешение выступить Локкарту — Локкарту, сочувствующему революции и знающему взгляды революционной России на насущность заключения мира. Но чтобы больше никаких ораторов. На этих условиях Президиум может гарантировать успешное проведение просмотра. Они все придут туда, чтобы проследить за выполнением своих условий.

Узнав об этой ситуации, Бромхед искренне обрадовался. Я же согласился выступить с неохотой. Одно дело произнести послеобеденный спич перед аудиторией, приведенной в благодушное состояние хорошей едой и шампанским, другое — выступать перед более чем тысячью революционеров, настроенных скептически и резко критически. Ничего привлекательного я в таком выступлении не видел.

Я измучился с этой речью. Я тщательно написал ее по-английски, а затем попросил одного русского поэта как можно сладкозвучнее перевести ее на русский и зазубрил текст. Я не только отработал каждое слово. Я отрепетировал все жесты и интонации, вплоть до дрожания голоса в нужном месте. Не зря же я ходил кругами вокруг Керенского.

В своей речи я делал упор на чувства. Я не знаю, что еще, кроме чувств, может заставить большие массы людей сражаться друг с другом. Но мои чувства были чувствами русского. Речь не шла о том, что оставлять в беде своих западных союзников — преступно. Я вполне откровенно развивал мысль о стремлении России заключить сепаратный мир и даже о том, что такой мир необходим ей, а затем разворачивал картины лучшей жизни, которая настанет после славной революции. Но ни лучшей жизни, ни самой революции не устоять, если дисциплина будет развеяна по ветру, а дорога на Москву открыта врагу. Ленин уничтожил бы мою аргументацию одним предложением. Но к счастью, Ленин в то время все еще скрывался в Петербурге.

В тот мучительный для меня день я шел в театр, втайне надеясь, что обращаться будет не к кому. Но Совет солдатских депутатов слово свое сдержал. В здании яблоку негде было упасть. Более того, на балконе за спинами членов Президиума сидели товарищ военно-морского министра и Кишкин, верховный комиссар Москвы. Фильмы наши были двух видов: военно-морские и сухопутные. Мы поступили мудро, показав военно-морские фильмы в последнюю очередь. Они производили хорошее впечатление и не содержали никаких ужасов. Затем должен был выступать я. Когда я вышел на узкую сцену перед занавесом, по моему адресу не раздалось ни одного хлопка, и начал я нервно. Однако тишина в зале была уважительной. Меня слушали. Я забыл все отрепетированные мною фокусы. Я едва помнил слова. Голос мой дрожал от волнения, что русские приняли за выражение подлинного чувства. В течение двадцати минут я пытался справиться с охватившей меня нервозностью, голос мой охрип и срывался в самых неожиданных местах. Конец моей речи был выслушан в мертвом молчании. Когда я кончил говорить, у меня колени тряслись, а пот стекал по лицу ручьями.

И тут начался ад кромешный. Какой-то солдат выскочил на сцену и расцеловал меня в обе щеки. В ложе Президиума поднялся Кишкин и громогласно провозгласил, что Россия никогда не оставит в беде своих союзников. Сегодня днем он получил официальное сообщение о том, что русский флот вышел в Балтику и находится в состоянии полной боевой готовности. Снова аплодисменты. Снова ад кромешный. То тут, то там вскакивали солдаты и старались перекричать друг друга. Эта сцена напоминала происходившее в начале войны. Я развязал русскую истерию. Но триумф мой продолжался недолго. На другой день отчет о просмотре был подвергнут жесткой цензуре. Социалисты раскаялись в своих чувствах.

Это было мое последнее публичное выступление в качестве генерального консула в Москве. Как раз в то время, когда подходила к кон-

цу трагедия старой России, в моей жизни происходила своего рода малая трагедия.

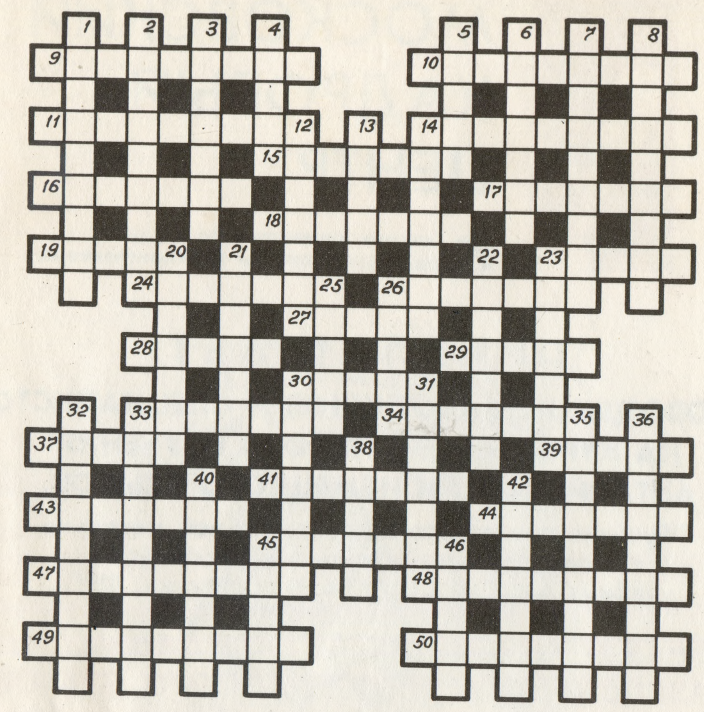
Я рассказываю о ней откровенно, без экивоков. Уже несколько месяцев продолжалась моя связь с русской еврейкой, с которой я случайно познакомился в театре. Об этом стали поговаривать. В конце концов слухи дошли до посла. Он вызвал меня, и мы вместе отправились на прогулку. Никто на его месте не проявил бы большей доброты. Никто на его месте не смог бы с бо́льшим успехом апеллировать к тому лучшему, что было во мне. Он рассказал мне историю своей жизни. Когда он был молод, он прошел через такое же искушение. Настоящее счастье в том, чтобы противиться искушению, чтобы горько не пожалеть впоследствии. Он говорил о том, что я хороший работник. О том, что жалко будет ломать так прекрасно начатую карьеру ради мимолетного чувства, возникшего в результате напряжения, связанного с войной. Условности, конечно, очень близки к ханжеству, но на государственной службе их следует соблюдать. Помимо всего прочего это вопрос долга и военного времени. Я должен поступиться своими прихотями ради своей страны.

Я был глубоко тронут. Мы с чувством пожали друг другу руки — мое чувство было продиктовано искренней привязанностью к этому замечательному пожилому человеку, который проявил по отношению ко мне такое понимание, а его чувство, мне кажется, было вызвано столь же искренним сожалением об ушедшей юности — и я вернулся в Москву, дав себе зарок вести жизнь, исполненную самоотречения. Это мне удалось и продолжалось ровно три недели. Потом раздался звонок, и я не устоял.

Это был конец. Я нарушил данное мною слово, и на этот раз посол, хотя и с грустью, но твердо решил, что я нахожусь на грани нервного срыва и должен отбыть на отдых в Англию. Может быть, он был прав.

Никакого скандала не было. Я думаю, что никто в министерстве иностранных дел не был извещен о подлинной причине моего внезапного возвращения. Было сказано, что состояние моего здоровья ухудшилось от переутомления, и в результате ко мне отнеслись с большим сочувствием. По этой же причине мне удалось избежать какой бы то ни было огласки, связанной с официальной процедурой по случаю отъезда. Мои московские друзья были сама доброта. Им было сказано, что я болен и чтобы они не волновались. Все они ждали моего возвращения через полтора месяца, и, кроме того, то, что Россия приближается к своему концу, стало теперь настолько очевидно, что каждый был занят собственным спасением. В глазах этих людей я выглядел мучеником долга. Но сам я, зная, что мой отпуск по болезни на самом деле является отзывом и что мне никогда не вернуться назад, переживал свое положение очень остро и чувствовал себя скорее преступником чем мучеником, когда ретировался из Москвы в начале сентября 1917 года. Я отбыл из Петрограда как раз в тот момент, когда начинался поединок между Керенским и Корниловым. В Лондон я прибыл за полтора месяца до начала большевистской революции.

Перевод с английского Евгения КОНЕНКИНА

КРОССВОРД

По горизонтали: **9.** Летчик-космонавт СССР. **10.** Род бурых водорослей. **11.** Лесной кулик. **14.** Государство в Центральной Америке. **15.** Очищенный сахар. **16.** Боец Национальной гвардии, защищавшей Парижскую коммуну 1871 г. **17.** Необычное, исключительное явление. **18.** Областной центр на Украине. **19.** Глава, руководитель политической партии. **23.** Водяной орех. **24.** Ценная редкая вещь. **26.** Восточная фантазия М. Балакирева. **27.** Горная порода, разновидность вулканического туфа. **28.** Действующее лицо драмы А. Пушкина «Борис Годунов». **29.** Вертикальная часть здания. **30.** Язык программирования. **33.** Опера А. Аренского. **34.** Местное наречие, говор. **37.** Искусственное русло реки. **39.** Горный баран. **41.** Пробное, показательное изделие. **43.** Часть прямой линии. **44.** Советский живописец, передвижник. **45.** Балет С. Прокофьева. **47.** Древнегреческий поэт-комедиограф. **48.** Общепризнанное значение, влияние. **49.** Кинорежиссер, народный артист СССР. **50.** Вид многоголосия в музыке.

По вертикали: **1.** Составная часть военного искусства. **2.** Беседка на возвышенном месте. **3.** Отношение длины линии на карте к ее длине в действительности. **4.** Шерсть ангорской козы. **5.** Нидерландский живописец. **6.** Русский публицист и литературный критик. **7.** Лечебно-профилактическое учреждение. **8.** Женские украшения из недрагоценных металлов. **12.** Соотношение между валютами разных стран. **13.** Спутник Сатурна. **14.** Цветок. **20.** Сторонник коренных, решительных мер. **21.** Природное тело, образующееся в результате физико-химических процессов в глубинах и на поверхности Земли. **22.** Мягкие цветные карандаши для живописи. **23.** Ягода. **25.** Многократное быстрое чередование двух смежных звуков. **26.** Роман П. Проскурина. **30.** Древнее название Британских островов. **31.** Разновидность русской гармони. **32.** Русский советский писатель. **33.** Популярная актриса театра и кино. **35.** Советский полярный исследователь. **36.** Предприятие общественного питания. **38.** Сложный, запутанный случай. **40.** В древнегреческой комедии шут, хитрец. **42.** Шуточное подражание. **45.** Страстность, горячность в поведении, работе. **46.** Древнегреческий духовой музыкальный инструмент.

Журнал «Горизонт» принимает заказы на размещение рекламы. Оплата по договоренности. С предложениями обращаться в редакцию:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон: 928-97-42.